

Александр Чернов

Твои нежные сети

Глава 1

Тихо и словно в отдалении трещал будильник. Не звенел, а именно трещал, причем время от времени, будто сломанная заводная игрушка. Я открыл глаза. Будильник, видимо, звенел давно, потому что ставил я его на без пятнадцати восемь, а сейчас было уже пятнадцать минут девятого.

«Черт возьми, проспал! Давно же хотел поменять в часах батарейку!» — подумал я и вскочил с дивана.

Ложе со мной делила молодая особа лет тридцати, с длинными рыжеватыми волосами, которые разметались сейчас по подушке. Нормальная девица, не Афродита, конечно, но что-то от нее в ней есть — мясистость, например. В остальном же на богиню не похожа — широкие плечи, широкие бедра, широкая талия. Лицом тоже не вышла — широкоскулая, большеротая, глаза маленькие, нос картошкой, губы как два вареника. Зато ноги — класс: длинные, крепкие, с маленькими ступнями, округлыми коленками. Тут уж Афродите до нее далеко.

Да, здорово я вчера выпил. Нет, я не кутила,

который напивается до чертиков и не помнит, с кем проводит ночь. Я все прекрасно помню. Вчера ко мне заявился приятель с подругой и привел Дашку. Выпили, закусили, потанцевали. Девице я понравился. Она, оказывается, любит высоких крепких мужиков лет под тридцать пять. Чудная, кто ж таких не любит? Дашка оказалась без комплексов. В общем, приятеля с подругой я спровадил, а ее у себя на ночь оставил. А что, имею право — холостяк.

Я заметался по квартире, хватая джинсы, рубашку, носки. Наверное, я слишком шумно собирался, потому что разбудил Дашку. Она села на диване, свесив голые ноги на пол, и тупо уставилась на меня.

— На работу уходите? — хмуро спросила молодая женщина и, сдернув с дивана простыню, накинула ее себе на плечи.

Фраза прозвучала полувопросительно-полуутвердительно, не требовала ответа, а потому я пропустил ее мимо ушей.

— Нас разве двое? — Я оглянулся так, как оглядываются на сзади стоящего человека. — По-моему, пора перейти на «ты».

— Я сама знаю, как мне лучше вас называть, — с неожиданным упрямством заявила Дашка. — Мне так удобнее.

— Как хочешь. — Я уже заправил рубашку в джинсы и стал застегивать на гульфике «молнию». — Когда приду с работы, не знаю, так что меня не жди. Позавтракай, ключи забери с собой. Вернешь при встрече! — Я наконец справился с капризным замком на джинсах, помахал Дашке на прощание рукой и, открыв входную дверь, выскочил из квартиры.

Лифт, как назло, был занят. Тем не менее я не стал сломя голову мчаться с восьмого этажа на первый, дождался кабины.

Лидия Ивановна — абсолютно седая старуха со злым бесцветным лицом, всем своим обликом напоминая ворону-альбиноса, — заложив руки за спину, уже прогуливалась по тротуару вдоль дома. Когда бы я ни уходил из дому, когда бы ни возвращался, я постоянно натыкаюсь на эту зловредную жилицу из двадцать второй квартиры. Так что она в курсе моей личной жизни.

— Здравствуйте, Игорь Степанович, — остановившись, сладко пропела старуха. — Опять на работу опоздали?

Ноги, понесшие было меня по тротуару, неожиданно сами замедлили движение.

— Что значит — опять? — возмутился я. — Я всего-то второй раз на работу опаздываю.

— Ну, как же, Игорь Степанович, а в прошлую среду? Вы в тот день тоже как угорелый

на работу мчались.

— Вот я и говорю, в среду в первый раз в жизни опоздал, а сегодня вот — во второй. — Ноги вновь понесли меня по тротуару. Пробегая мимо старухи, я буркнул: — Вам, Лидия Ивановна, в школе завучем следовало бы работать, записывать, кто когда пришел на работу и когда ушел.

Старуха никогда не останется в долгу.

— А вам, — крикнула она мне в спину, — следовало бы меньше пить да девок в дом водить.

Ну что тут скажешь? Права Лидия Ивановна, а потому я ничего не ответил.

Я обогнул девятиэтажку, взбежал на бугорок и глянул налево. Круглая, окруженная коммерческими магазинами конечная троллейбусная остановка была пустынна. Пока дождешься одну из «рогатых» колымаг, которые почему-то плохо ходят и часто ломаются именно на пролегающем в наши края маршруте, на работу точно к обеду попадешь. Что ж, утренняя пробежка еще никому не повредила. Да и бежать-то, признаться, недалеко — всего две остановки. Я спустился с бугорка и побежал по обочине дороги.

Стояло раннее солнечное утро. Еще не так жарко, но и не холодно, по утрам уже можно ходить в рубашках. Теплый и чуть влажный от испарений воздух настоян запахом цветущих деревьев, он пьянит, будоражит, отчего все время

пребываешь в приподнятом настроении.

Я перебежал перекресток — одна остановка позади. Впереди возник Музей искусств, представлявший собой четырехэтажную коробку из зеленоватого матового стекла. Не лучший образчик архитектуры — мрачноват больно, — но для тех экспонатов, что в нем хранятся, в самый раз. Матовые стекла не пропускают солнечные лучи, которые, как известно, губительны для произведений изобразительного искусства.

Я добежал до угла здания и нырнул в длинный тесный переулок, упиравшийся в улицу Новокузнецкую. Ну вот, еще три-четыре поворота, и я на работе.

Едва я пробежал по переулку шагов десять, как сзади почувствовал какое-то движение, инстинктивно шархнулся в сторону, и не напрасно — мимо, едва не сбив меня с ног, промчался какой-то мужик, в джинсах, темной рубашке и кроссовках. «Видать, сегодня не один я на работу опаздываю», — подумал я. Он чесал так, что пятки сверкали, а удлиненные темные волосы развевались на ветру. Мужик бежал бы, наверное, еще быстрее, если бы ему не мешал какой-то длинный предмет в руках, похожий то ли на тубус, то ли на рулон школьных карт. «Может, учитель географии, а может, инженер из конструкторского бюро, а то и

научный сотрудник какого-нибудь проектного института». И едва я успел так подумать, как мимо меня промчались еще два парня, как и первый мужик, одетые в джинсы, темные рубашки и кроссовки. И у одного из них под мышкой также был то ли тубус, то ли рулон школьных географических карт.

Нашего полку прибыло. Пора открывать в городе «секцию бега для любителей опаздывать на работу». Я не привык тащиться в хвосте, а потому прибавил скорость.

Когда я догнал двоих парней, мужик уже до-мчался до улицы Новокузнецкой и, свернув за угол, скрылся из глаз. Я поддал газку, перегнал парней и решил оглянуться, посмотреть, много ли нас, опоздавших на работу, по переулку бежит. Оглянулся. Действительно, кроме нас троих, сзади бежали еще трое, причем в форме охранников. Мужики только что выскочили из-за угла здания музея и, растянувшись на всю ширину дороги, мчались так, будто и в самом деле боролись в спринтерской дистанции за олимпийское «золото».

«Куда вам до меня», — подумал я и хотел было вернуть голову в исходное положение, но так и не вернул, ибо шею у меня заклинило от того, что я увидел и услышал. Один из охранников, отказавшись от борьбы за звание олимпийского

чемпиона, неожиданно остановился, достал из кобуры пистолет и, заорав: «Стой, стрелять буду!», сделал предупредительный выстрел вверх.

Вот это номер! Я, разумеется, остановился, и парни тут же перегнали меня. Мы с ними как раз достигли конца переулка. Тот, что бежал чуть впереди, хотел завернуть за угол состоящего из железных прутьев забора и даже погасил скорость, но не успел. Видимо, именно для него на оружейном заводе отлили ту пулю, которую следующей выпустил из ствола своего пистолета охранник. Вместо того чтобы свернуть, парень, будто споткнувшись, сделал один широкий шаг, другой — он словно увязал в трясине, — а потом, выпустив из рук рулон карт, вдруг тяжело рухнул на пыльную дорогу, широко раскинув руки и ноги. Рубашка парня там, где находится сердце, разом потемнела. Хороший выстрел.

Я был в шоке и с изумлением взирал на распостертое на дороге тело, на то, как вокруг него на асфальте расплзается темно-красное пятно. В этот момент второй парень остановился и обернулся. Широкоскулое, узкоглазое, большеносое лицо его с дьявольской ухмылкой на полных отвисших губах врезалось в мою память на всю жизнь. В руках у парня матово блеснул пистолет Макарова. Я едва успел отпрыгнуть к забору, как прогремел один выстрел, затем другой,

и обе пули, как мне показалось, пролетели мимо моего носа. Парень не относился к стрелкам, способным попасть с двадцати метров в летящую муху, что было заметно по тому, как он держал оружие — не на уровне глаз, а чуть ли не над головой. Но, несмотря на то что парень промахнулся, охранники дрогнули. Они замедлили шаг и в неуверенности остановились. По-видимому, они не подозревали, что беглец вооружен. А парень, воспользовавшись замешательством преследующих, подхватил валявшийся на асфальте рулон карт — сейчас я ясно видел, что длинный предмет, который тащил подстреленный парень, являлся не тубусом, а свернутыми картами, таблицами или холстами, — и исчез за углом.

И тут же охранники очухались. Находившийся в центре шеренги мужчин верзила с тупым квадратным лицом достал из кобуры пистолет и прицелился в меня. Второй уже держал оружие, направленное в мою сторону, рука третьего скользнула за спину. А что, запросто грохнуть могут. Они убегающего-то парня ни за что ни про что подстрелили, а уж теперь, после того, как тот, второй, с дьявольской ухмылкой по ним пальнул, стрелять без предупреждения имеют полное право.

Но не ждате же, когда они меня в решето превратят. Я сделал шаг левой ногой в сторону,

затем — правой и, не приставляя ее, шаг назад и оказался за углом забора. А в следующий момент прогремел выстрел.

— Стой! — заорали все трое охранников.

Я резко повернулся. Улицу Новокузнецкую я отлично знал, не раз ходил по ней, а то и бегал. За забором находился райсобес, за ним парикмахерская, дальше магазин. На противоположной стороне улицы — несколько частных домов и напротив магазина — огороженная железобетонным забором мусорка. Когда я повернулся, тот с развевающимися волосами мужик, что был лидером в нашем идиотском забеге, как раз, оттолкнувшись от мусорного контейнера, перелетал забор, а второй парень на всех парах мчался к закутку. Еще я увидел двух девиц, шедших одна за другой мне навстречу; две машины, мчавшиеся по дороге в разных направлениях; мальчишку, шедшего у мусорки, и пару пешеходов, маячивших в конце улицы.

Прогремел очередной выстрел; пуля зашуршала, пройдя сквозь живую изгородь, торчащую из-за забора. Охранники вообще-то здорово рисковали, стреляя в жилом квартале, — можно было запросто подстрелить разгуливающих по улице пешеходов, но, видимо, очень разозлили их «учителя географии», раз они вопреки всем

инструкциям, запрещающим применять оружие в оживленных местах, палили направо и налево.

Мне, наверное, нужно было просто лечь на землю, сложить руки на затылке и дожидаться, когда охранники подбегут и... что сделают? Изобьют до смерти или, посчитав меня мертвым, сделают контрольный выстрел в голову? Кто знает, охранники ли они вообще? В общем, ноги сами сорвали меня с места и понесли к мусорке. До нее было метров пятьдесят. «Успею! — подумал я. — Перемахну через забор, за ним дома, затеряюсь среди них, а охранники пусть соревнуются в беге с «учителями географии» без моего участия».

Девушки находились как раз на моем пути к спасительной мусорке.

— Дорогу! — рывкнул я, набирая скорость.

Девушки стояли на тротуаре в нерешительности, напуганные выстрелами и видом выскочившего из переулка и рухнувшего на дорогу окровавленного парня, а тут еще я на них с ревом помчался. Первая — стройная девица в юбке и топике, — как трепетная лань, сиганула от меня в сторону и оказалась на середине дороги, а вторая — не менее стройная, но в джинсах и блузке — вместо того чтобы последовать ее примеру, вдруг кинулась мне под ноги и села, закрыв голову руками. О черт!.. Легко можно представить, что случается с развившим скорость до сорока километров в час

человеком, в ногах у которого вдруг оказывается препятствие. Я взмыл в воздух так, словно оттолкнулся от трамплина. Со стороны я наверняка был похож на небольшой самолет, у которого вместо крыльев руки, а вместо хвоста с оперением поднятые вверх голени со стопами. Летел я до тех пор, пока хватило приданного моему телу ускорения, а потом, враз потеряв скорость, со всего маху хрястнулся лицом об асфальт.

Глава 2

Лучше бы я не приходил в сознание, чтобы не испытывать тех ощущений, которые испытывал в тот момент, когда наконец открыл глаза. Меня ужасно мутило, саднило щеку, было трудно дышать, а внутренности болели так, будто их намотали на палку, утыканную гвоздями. Чертова девка, из-за нее я наверняка на всю жизнь остался калекой.

Я лежал на животе на земле, три охранника, навалившись на меня, заломили мне за спину руки с такой силой, что на глазах у меня выступили слезы. За то время, что я находился в беспомощности, вокруг меня успела собраться толпа зевак и прибыли двое полицейских. Один из них — невысокий широкоплечий старший лейтенант с простецким лицом — зычным голосом говорил:

— Уважаемые граждане, попрошу разойтись! Не создавайте ненужный ажиотаж вокруг произошедших событий! А вас, девушка, попрошу остаться... Кто еще был свидетелем перестрелки и бегства неизвестных?..

Второй полицейский — смуглый парень в погонах сержанта — подошел ко мне и защелкнул на моих запястьях наручники. Он мог бы их и не надевать, ибо я пребывал в таком состоянии, что не мог не только оказать сопротивления, а просто двигаться.

— Давайте, ребята, — обратился сержант к охранникам, — ведите его в машину.

Когда меня подняли, я даже стоять не мог, колени подгибались, ноги разъезжались. Меня волоком потащили в машину. Это раньше менты на «козлах» ездили, нынче они на новеньких «Опелях» разъезжают. Душа радуется за нашу полицию, ну и за меня немножко, что на крутой тачке прокачусь. Меня швырнули на заднее сиденье машины. По одну сторону сел охранник, по другую — полицейский. Парень, которого подстрелили охранники, по-прежнему лежал на дороге и, судя по тому, что он не двигался, его увезут отсюда в полиэтиленовом мешке.

Представление, которое я дал для местной публики, выполнив акробатический этюд «полет над асфальтом беглеца с последующим неудачным

приземлением», закончилось, зрители стали расходиться, на тротуаре осталась стоять лишь та самая девица, на которую я налетел. Я видеть ее не мог, а потому отвернулся. Мы постояли еще немного, дождались следственную бригаду и карету «Скорой помощи», а потом в автомобиль сел старший лейтенант и завел двигатель. Когда «Опель» тронулся, рядом с ним побежал мальчишка, тот самый, которого я при бегстве заметил идущим у мусорки. Парнишка оказался знакомым.

— Игорь Степанович! — закричал он голосисто, заглядывая в открытое окно автомобиля. — А вы на работу сегодня придете?

Какая, к черту, работа? Тут того и гляди на зону лет на пятнадцать сядешь. Однако я через силу улыбнулся и сказал:

— Конечно же, приду, Славка, жди! — а поскольку запястья у меня были скованы наручниками за спиной и помахать рукой я на прощание никак не мог, я вяло кивнул.

Автомобиль объехал лежащий на дороге труп, столпившихся вокруг него полицейских, шурша шинами, промчался по пустынному переулку, затем мимо музея и выехал на центральную дорогу.

Ни полицейские, ни охранники не приставали ко мне с расспросами, да и я к ним с вопросами не лез. Не до них было. Исподлобья поглядывал по

сторонам.

Полицейский лихо развернулся перед носом какого-то крутого автомобиля, вогнал «Опель» в переулок и помчался вверх по бугорку. Добравшись до вершины, водитель резко сбросил газ, переехал на противоположную сторону холма и плавно остановился перед открывшимися взору большими железными воротами с острыми пиками поверху них. РОВД нашего района.

Молоденький полицейский — дежурный по КПП, — нежившийся на стуле под лучами утреннего солнышка, вскочил, козырнул и, открыв ворота, впустил нас внутрь.

Чистенькая, засаженная пестрыми цветами территория районного отдела внутренних дел занимала склон холма. На ней уступами стояли два здания. В одном, побольше, располагался собственно РОВД, в другом, поменьше, — паспортный стол. За ними пряталась столовая и здание экспертно-криминального отдела.

К парадному входу меня, понятно, не повезли, парадный вход для порядочных людей, а для таких, как я, существует черный ход, хотя нет, хуже — подвал, ибо именно к нему, обогнув здание, меня и подвезли.

Сержант и охранник вытащили меня из машины и поволокли по ступенькам в расположенный у стены под козырьком каменный

мешок. Вышедший из «Опеля» старший лейтенант взирал на происходящее с отсутствующе-презрительным выражением на лице. Он ни разу ко мне не притронулся и вообще вел себя высокомерно-снисходительно.

Когда мы оказались на дне каменного мешка, сержант надавил на кнопку звонка, расположенного у обитой жостью двери. Пару минут спустя в двери открылось зарешеченное окошко, и в нем возникла жирная хамского вида физиономия, вся в красных и синих прожилках, свидетельствующих о том, что обладатель физиономии не понаслышке знаком с зеленым змием.

— Ну, чего раззвонились? — плясь на меня и охранника, рывкнула физиономия, но, заметив сержанта, смягчилась: — В чем дело, Гена?

— Принимай пополнение! — со скрытой радостью произнес сержант, которому, по-видимому, не терпелось от меня избавиться, в то время как мерзкой физиономии в окошке не очень-то хотелось меня принимать.

— Достали эти отморозки! — проворчала она. — Ни днем ни ночью покоя от них нет. — Однако окошко захлопнулось, и стал открываться замок.

Несколько секунд спустя дверь отворилась, и на пороге возникло все остальное, что

принадлежало физиономии. А принадлежало ей немало — большой живот, широкий зад, жирная обвисшая грудь и мощные, похожие на слоновьи, ноги. Все выше перечисленные части тела, разумеется, упакованы в полицейскую форму.

— Здоровый-то какой, — то ли с уважением, то ли с завистью, а может, и со злорадством, мол, таких крепких мы еще не ломали, сказал хозяин каземата. — Ну, проходи, проходи.

Меня втокнули в длинный, слабо освещенный коридор, по обе стороны которого тянулись камеры с решетчатыми дверьми. В подвале было сыро и, как в общественном предбаннике, крепко пахло мужскими немывтыми телами и грязным бельем.

Небольшой молчаливой группой мы прошли мимо камер, в которых шевелились неясные тени, слышались вздохи, негромкие разговоры, в конец коридора, где толстый полицейский открыл одну из камер. Меня завели в нее и наконец-то сняли наручники.

Компания, приведшая меня в камеру, закрыла дверь и удалилась, а я огляделся, хотя оглядывать особо было нечего — четыре голых стены, покрытые мраморной крошкой, крохотное зарешеченное окно под закопченным потолком, топчан, занимающий три четверти квадратного помещения, и мусорный бак, служащий для

отправления естественных надобностей.

У меня все еще кружилась голова, мне требовался отдых. Несмотря на то что топчан был покрыт толстым слоем грязи и, как мне показалось, был пропитан бомжовской мочой, я влез на него и с удовольствием растянулся.

Пару часов спустя за мной пришли два лба-конвоира. Они были профессионалами по части сопровождения лиц, попавших, как я, в беду, довольно ловко заломили мне руки, а когда отпустили, я уже оказался прикованным наручниками к запястью одного из них — угрюмому, с жесткими чертами лица и пустым взглядом жлобу. Интересно, куда они меня поведут?

Меня вытолкали в коридор. Прямо из подвала по узкой лестнице провели внутрь здания на первый этаж и препроводили в конец пустынного темного коридора, огороженного решеткой.

Комната, в которую меня втолкнули конвоиры, ничем не отличалась от камеры, находившейся под полом РОВД, разве что обстановка была чуть богаче — вместо нар в небольшой комнате уместились обшарпанные стол, шкаф, сейф и четыре стула — а так, те же голые стены, тот же закопченный потолок, то же забранное решеткой, правда, раз в шесть больше, чем в камере, окно. И еще было одно отличие от

помещения в местном обезьяннике — здесь не было вонючего чана для отправления естественных надобностей.

За столом сидел рыжеватый, худой, высокий, судя по возвышавшейся над столом частью туловища, мужчина примерно одних лет со мной. У него были круглые удивленные глаза, вздернутый приплюснутый нос, большие оттопыренные уши, сильно выступающие вперед надбровные дуги, а также верхняя и нижняя челюсти. Если бы меня попросили нарисовать находившегося в кабинете человека, то я запросто с закрытыми глазами набросал бы портрет худой рыжей обезьяны и подписал бы полукругом, как на виньетке, Джованни — кажется, именно так звали мартышку, героиню старого мультика. Я посмотрел на него, мысленно прикидывая, как бы он смотрелся внизу в клетке, где недавно находился я.

— Садитесь! — с приветливостью овчарки, сидящей на цепи, глянул на меня мужчина и указал глазами на стул.

Два часа, проведенные в камере, благотворно повлияли на мое здоровье и душевное состояние — я успокоился, чувствовал себя вполне сносно, а потому был готов дать решительный отпор кому бы то ни было, кто посягнет на мою свободу и честь. Я громыхнул наручником и заявил:

— Нам как, вдвоем на одном стуле сидеть или

по очереди?

— Друг на друге, — без какого бы то ни было выражения в голосе произнес хозяин кабинета и бросил угрюмому парню: — Освободи!

С той же легкостью, с какой парень защелкнул на моем запястье наручник, с такой же он и снял его с меня и, быстро отступив к стене, загородил собою дверь. Второй жлоб занял позицию у окна. Если эти ребята думают, что я буду прорываться на улицу через дверь, а то и выломав решетку, через окно, то они глубоко ошибаются.

— Здравствуйте! — сказал я Джованни и сел на стул. — Поговорим?

— Мужик с юмором попался, — кивнув на меня жлобам, ухмыльнулся хозяин кабинета. — Посмотрим, что ты через десять минут запоешь!.. Майор Самохвалов, — наконец-то представился он и взялся за ручку. — Фамилия, имя, отчество.

— Гладышев Игорь Степанович, — сказал я с гордостью. Мне своих фамилии, имени и отчества стесняться нечего, я их ничем не запятнал.

— Год рождения?

Я назвал.

— Домашний адрес.

Я тоже назвал.

— Род занятий...

Майор разошелся так, словно мы с ним участвовали в конкурсе, кто больше за минуту

задаст вопросов и ответит на них. Мне торопиться некуда.

— Тренер по вольной борьбе в детской юношеской спортивной школе, — произнес я, четко выговаривая слова.

Ручка, которой Самохвалов записывал мои ответы в протокол, замерла. Джованни с интересом взглянул на меня из-под мохнатых рыжих бровей. С любопытством посмотрели и оба конвоира.

— С каких это пор тренеры детских спортивных учреждений грабежами заниматься стали? — спросил Самохвалов насмешливо.

Конечно, я давно уже понял, в какую историю влип и какое обвинение мне собираются предъявить в стенах этого учреждения, однако в моем положении признание в том, что мне известно об ограблении, равносильно признанию участия в нем. Поэтому я разыграл неведение:

— Я не понимаю, о чем вы говорите.

— Ха! — осклабился майор, причем так ненатурально, словно действительно был приматом и искусству в улыбке обнажать зубы его обучил дрессировщик. — Значит, будешь все отрицать?

Я тоже осклабился так, будто был зеркальным отражением Самохвалова.

— А ты бы хотел, чтобы я взял на себя чужие грехи?

— Ты мне не «тычь»! — внезапно побагровев,

рвавкнул майор и хлопнул ладонью по столу с такой силой, что из пепельницы вывалился окурок.

— И ты мне тоже, — спокойно произнес я и потянулся к столу, с намерением отодвинуть от себя пепельницу с вонючими «бычками». Но присутствующие в кабинете, по-видимому, решили, что от такого типа, как я, можно ждать всего, потому что оба жлоба дернулись ко мне, а рыжий, наоборот, отпрянул. — Ша! — вскричал я и поднял вверх руки. — Я ничего на столе не трогаю и ни на кого нападать не собираюсь.

Жлобы замерли на месте, а майор, внезапно успокоившись, с наигранным сожалением произнес:

— Выходит, чистосердечного признания не будет...

— Мне не в чем признаваться, — выставил я подбородок.

— Жаль, жаль, — покачал головой Самохвалов. — Напрасно ты не хочешь воспользоваться предоставленным законом правом скостить срок.

Ох и лицемер этот рыжий! Делает вид, будто радеет за меня, а самому главное — спихнуть на меня дело и, как говорят, звездочку заработать... Шиш тебе!

— Слыхали, — усмехнулся я. — Чистосердечное признание смягчает участь. Со

мною этот номер не пройдет.

— Ну, как знаешь, — не стал настаивать Самохвалов. — Я хотел как лучше. — Он бросил на стол ручку, откинулся на спинку стула и посмотрел на меня таким взглядом, будто видел меня насквозь. — Что ж, будем припираться фактами к стенке и раскалывать. А для начала я расскажу, как все было.

Я пожал плечами:

— Валяй! — А что я еще мог сказать, если сам не знал подоплеку разыгравшейся сегодня в переулке трагедии. Прежде чем опровергать что-либо, я должен был знать, что именно.

— Итак, из материалов предварительного опроса свидетелей установлено следующее, — казенным языком начал майор. — Сегодня в восемь пятнадцать в здание Музея искусств вошел неизвестный, представившийся электриком, присланным из Энергосбыта, якобы для того, чтобы снять показания счетчиков. Ничего необычного в прибытии работника из Энергосбыта не было, поэтому неизвестного пропустили внутрь, а поскольку сотрудники музея на работу еще не пришли, сопровождать парня по пустынному зданию вызвался один из троих дежуривших в этот час в музее охранников. Едва оба оказались на втором этаже, мнимый электрик неожиданно напал на сотрудника охраны, ударив его сзади по затылку

плоскогубцами, которые незаметно достал из своей сумки с инструментами. Когда охранник, потеряв сознание, упал, неизвестный оттащил его в одно из подсобных помещений музея, а сам отправился в расположенный на том же этаже туалет, где открыл окно, в которое по приставной лестнице влезли два его подельника. — Майор прокашлялся и продолжил: — Дальше события развивались так. Электрик отключил сигнализацию, а двое его подельников вошли в зал изобразительного искусства восемнадцатого века и варварски вырезали из подрамников три картины... — Самохвалов заглянул в бумажку и, слегка запинаясь, произнес сложные для его произношения имена и фамилии, — Жака Оноре Фрагонара, Жака Луи Давида и Клода Оскара Моне. В этот момент, обеспокоенные внезапной пропажей света, на второй этаж поднялись два охранника и, что называется, застучали грабителей на месте преступления. Поскольку злоумышленникам скрытно покинуть здание не удалось, они вынуждены были прорываться на улицу через главный вход в здание, что, в общем-то, им сделать и удалось. Оказавшись за пределами музея, троица кинулась в переулок и помчалась по нему в сторону улицы Новокузнецкой. В погоню за ними бросились те двое дежуривших в музее охранников и третий,

пришедший на смену сотрудник ЧОПа. Когда они, выбив дверь, которую убежавшим удалось забаррикадировать, выскочили на улицу и свернули за угол здания, грабители были уже в конце переулка. Один из охранников выстрелил и смертельно ранил бежавшего первым преступника. Второй злоумышленник, подхватив выроненные убитым полотна, скрылся за углом забора. Третий также забежал за угол, но ему не повезло. Пробежав несколько метров, он налетел на шедшую девушку, упал и потерял сознание. В убитом трое охранников и пришедший в себя после удара плоскогубцами четвертый опознали электрика. Налетевшим на девушку был ты. Я хочу знать, кто был третьим в вашей компании, где он сейчас и где украденные картины? — Закончив речь, майор перевел дыхание и выжидающе уставился на меня.

Ну, чем я его мог обрадовать, даже не знаю.

— Мне неудобно тебя разочаровывать, — признался я, стараясь не злорадствовать, — но я понятия не имею, кто был третьим, да и первым тоже.

Майор посмотрел на меня со скепсисом.

— Что ты хочешь этим сказать?

Я не ответил на прямо поставленный вопрос, а стал подходить к нему исподволь.

— В изложенной тобой версии кое-что не сходится. — Поскольку Самохвалов, очевидно,

чувствуя, что я готовлю ему подвох, а потому не желая идти у меня на поводу, помалкивал, я продолжил: — Охранники отлично знают: картины были в руках у двоих преступников. Они же могут подтвердить, что у парня, бежавшего в нашей троице вторым, руки были пусты. — Я выдержал паузу, однако майор по-прежнему не поддавался на провокацию, сидел как в рот воды набрав. — Из твоих слов следует, что он подхватил выроненные убитым картины, скрылся за углом. У меня картин, сам знаешь, не обнаружили. Так кто же тогда бежал со вторым рулоном картин великих мастеров?

Мыслительный процесс пошел. Заставил-таки я рыжего шевелить мозгами. Наконец Самохвалов сообразил, что к чему.

— Ты хочешь сказать... — усмехнулся он.

— Вот именно, — подхватил я. — Сегодня утром в интересующее тебя время по переулку бежали четверо. Когда охранники, размахивая пистолетами, ворвались в переулок, бежавший с одним из двух рулонов картин преступник уже свернул за угол железного забора.

— Ну да! — поднял меня на смех рыжий. — Сейчас ты скажешь, что ты здесь ни при чем, просто так погулять вышел.

— Почему это погулять? — делая вид, будто принял слова Самохвалова за чистую монету, произнес я. — Я на работу бежал.

Майор тоже артист, сделал вид, будто вытер набежавшую от смеха слезу.

— Умрешь с тобой, ей-богу! На работу небось опаздывал?

Я шмыгнул носом.

— Представь себе. И могу это доказать.

— Ну, давай попробуй, посмеемся, — произнес майор тоном балагура и посмотрел поочередно на конвоиров, приглашая их поучаствовать в шоу, которое сейчас будет давать завравшийся тренер детской юношеской спортивной школы.

Издевался Джованни. И все-таки он мне импонировал. Люблю веселых людей — сам такой.

— Электрик, по твоим словам, — начал я, — вошел в здание музея в восемь пятнадцать. Я в это время только проснулся, что может засвидетельствовать Дашка, которая провела сегодняшнюю ночь на моем диване, и если ты поторопишься проверить дело со свидетельскими показаниями, то, возможно, еще успеешь застать ее в моей квартире. Но это еще не все, — остановил я майора, который собирался что-то возразить. — В половине девятого я уже был во дворе, где повстречался с Лидией Ивановной, жилищей из двадцать второй квартиры нашего же дома, а в это время подельники электрика наверняка уже

находились в здании музея. Троллейбуса на конечной остановке не оказалось, и я решил отправиться на работу пешком, вернее, бегом. Примерно без двадцати девять я был в переулке, где и смешался с бегущими с картинами преступниками. Так что, как видишь, я при всем твоём желании не мог оказаться в одно время с преступниками в здании музея.

Судя по невеселому выражению лиц конвоиров и Самохвалова, мое шоу в их глазах с треском провалилось. Не удалось мне развеселить публику. Но майор все еще на что-то надеялся.

— Ну, во-первых, — произнес он, выпятив нижнюю губу, — в отношении того, что по переулку с картинами бежали двое преступников, это еще бабушка надвое сказала. Охранники действительно подтвердили: когда преступники выскакивали из музея, полотна были в руках у двоих, а когда бежали по переулку, — у одного. Но, возможно, пока они были вне поля зрения работников ЧОПа, один злоумышленник забрал картины у другого. — Теперь Самохвалов уже поднял руку, пресекая мою попытку возразить. — А во-вторых, твое алиби еще доказать нужно.

Я развел руками.

— Так доказывай! Мой адрес у тебя есть, в какой квартире живет Лидия Ивановна, ты знаешь.

Майору, кажется, порядком надоело мое фамильярное обращение с ним, моя самоуверенность, да и мое нахальство тоже. Неожиданно он сверкнул глазами и, кивнув стоящему у дверей охраннику, рывкнул:
— В камеру!

Глава 3

Спустя полтора часа за мной в камеру снова пришли, но не два жлоба, а худосочный полицейский с погонями младшего сержанта на узких покатых плечах. Наручники надевать не стал, вывел из камеры и прогулочным шагом повел по лестнице, а потом и по коридору первого этажа. Отношение местных сотрудников РОВД ко мне явно изменилось. Не хочется обольщаться на сей счет, но что-то подсказывало мне, что я из разряда подозреваемых перешел в разряд свидетелей. Младший сержант в кабинет не вошел, кивнул на дверь и удалился.

Смахивающий на большую рыжую обезьяну, одетую в полицейскую форму, Джованни по-прежнему сидел в своем кабинете за столом. Не было конвоиров и у двери, и у окна, зато под окном на стуле сидел завуч нашей ДЮСШ Колесников Иван Сергеевич — большой и круглый, как

самовар, — как сказал про него один из тренеров нашей спортшколы. Бывший легкоатлет, чемпион страны, а ныне заслуженный пенсионер, действительно очертаниями своей круглоголовой широкоплечей сужающейся книзу фигуры напоминал знаменитое изделие тульских мастеров со стоящим на нем заварочным чайником. Вызвали-таки старика на допрос. Колесников мужик нормальный, его у нас в спортшколе все уважают, даже неудобно как-то, что я перед ним в обличье бандита да еще с разбитой физиономией предстал.

Я слегка поклонился.

— Здравствуйте, дядя Ваня. Как дела на работе?

Голова у Колесникова круглая, а лицо на бульдожью морду смахивает.

— Паяц! — шлепнув толстыми губами, буркнул Иван Сергеевич с обиженным видом и отвернулся.

Конечно, малоприятное занятие для начальника с опером по поводу подчиненного, замешанного в истории с ограблением Музея искусств, беседу вести. Так что я к завучу не в претензии.

— Садись, Гладышев, — не глядя в мою сторону, произнес Джованни.

Прикрывая дверь, я почему-то подумал: «Интересно, если я с силой захлопну дверь, большие уши майора от толчка воздуха хлопнут на ветру?» Черт возьми, у меня проблем выше крыши, а в голову дурацкие мысли лезут. Но я на всякий случай дверь прикрыл осторожно, затем прошел к столу и сел.

— Твоя личность установлена, вон Иван Сергеевич помог, — кивнул в сторону Колесникова майор. — Соседка твоя вроде алиби тоже подтверждает, но я тебе не верю, а потому сделаю все, чтобы доказать твою причастность к преступлению. На, распишись, здесь и здесь. Это подписка о невыезде, — Самохвалов пододвинул мне лист бумаги и нахально подмигнул. — Гуляй пока.

Я победно-снисходительно улыбнулся, подмахнул бумагу и изрек с тоном дружеского совета:

— Вот что, майор, ты на меня драгоценное рабочее время не трать, а ищи-ка лучше настоящих преступников. Они оба за Новокузнецкой забор, огораживающий мусорку, перепрыгнули.

Майор смирился с тем, что я его на «ты» называл, а вот с тем, что учить его вздумал, смириться никак не мог.

— Ты мне не указывай, что делать, — буркнул

он. — Оставь адрес той девицы, что у тебя сегодня ночевала, и проваливай!

«Раз про Дашкин адрес спрашивает, значит, в моей квартире ее не застали, — подумал я. — Не беда, все, что нужно, Дашка подтвердит, лишь бы она надолго не пропала, а то где ее искать, понятия не имею».

— Я узнаю адрес девушки и сразу же тебе сообщу, — пообещал я, поднимаясь. — И последний вопрос, товарищ майор, можно?

— Ну? — исподлобья глянул на меня Самохвалов.

— Сколько стоят похищенные картины?

— А ты что? — ехидно осклабился Джованни. — Прицениваешься, чтобы ворованное барыгам спихнуть?

Конечно же, майор давно понял, что я к ограблению Музея искусств никакого отношения не имею, а злился он из-за того, что ему не удалось спихнуть на меня дело.

— Обижаешь, гражданин начальник, — произнес я укоризненно, решив, что пришла пора обидеться. — Я честный парень, а если не хочешь говорить, то и не надо. — Я обернулся к Колесникову. — Пошли, дядя Ваня!

Кряхтя, завуч стал подниматься.

— Десять миллионов картины стоят, — неожиданно произнес Самохвалов. — В баксах,

разумеется.

Моя нога, поднявшаяся было для того, чтобы сделать шаг к двери, застыла в воздухе, а широкий зад поднимавшегося Колесникова завис над стулом.

— Сколько-сколько? — спросил я так, словно майор сморозил глупость.

— И это по самым скромным подсчетам, — мрачно сказал рыжий опер.

Колесников вышел из столбняка раньше, чем я. Он разогнулся и со свойственными пожилым людям нравоучительными нотками в голосе изрек:

— А народное добро лучше охранять нужно! Наняли, понимаешь, дураков-охранников, провести которых проще простого оказалось. За мной, Гладышев! — произнес он тоном папаши, забирающего сына из учреждения, где с ним плохо обошлись, и прошествовал мимо меня к двери.

«Ну что, майор, выкусил?» — хотел я сказать, но сдержался и заспешил за завучем.

Из здания РОВД я вышел как белый человек, через парадный вход.

Во дворе на скамеечке в тени дерева сидела та самая девица, о которую я споткнулся, — источник, как я считал, обрушившихся на меня в этот день несчастий. Она, очевидно, ждала, когда ее вызовет к себе Самохвалов для соблюдения каких-нибудь формальностей, связанных с данными ею

свидетельскими показаниями.

Я хотел сделать вид, будто не заметил девушку, и пройти мимо, но она поднялась мне навстречу. Девица, по-видимому, уже знала, что никакой я не отморозок, похитивший картины, а честный гражданин, угодивший в переплет, потому что смотрела на меня не так, как на улице Новокузнецкой, то есть не затравленно.

— Простите меня, — сказала она тихим, довольно-таки приятным голосом. — Все так неловко получилось.

В общем-то, девушка была ни в чем не виновата, но человеку свойственно обвинять кого-нибудь в своих бедах, а поскольку те двое, перемахнувшие забор, были далеко, то девица на роль козла отпущения как раз годилась.

— Бог простит, — бросил я, не разжимая зубов, и прошел мимо.

Пухлый Иван Сергеевич, заложив руки за спину, как колобок, катился в горку, вернее, перекатывался, а еще точнее, переваливался с боку на бок, тяжело ступая больными ногами. Колесников страдал болезнью спортсменов — варикозным расширением вен — результат перетренировок.

Я нагнал завуча и пристроился рядом.

— Ты бы хоть физиономию умыл, —

посоветовал дядя Ваня, когда мы проходили мимо мраморного фонтанчика для питья. — А то по городу с тобой идти стыдно.

— А вы что, до дому меня провожать собрались? — якобы удивился я, наивно рассчитывая провести оставшуюся половину дня на своем диванчике, зализывая душевные и телесные травмы, полученные до обеда.

Иван Сергеевич намек понял, остановился и хмыкнул.

— Обойдешься, — сказал он, наклонился к будто застывшей хрустальной струйке воды и сделал глоток, вытягивая губы, как лошадь на водопое. Разогнулся. — Пусть тебя до дому та девица, с которой ты всю ночь пьянствовал и развлекался и из-за которой потом на работу проспал, провожает. А я тебя до спортзала провожу.

Я все еще на что-то надеялся.

— Но, дядя Ваня, я думаю, что заслужил...

— Ага, — ухмыльнулся одной половиной лица так, словно у него был флюс, завуч. — Выговор с занесением в личное дело за то, что утренние тренировки пропустил. Но у тебя еще есть шанс получить его без занесения, если после обеда отработаешь.

Завуч, конечно, шутил — выговоры, как и советские времена, безвозвратно ушли в прошлое.

Уж и не помню, чтобы кто-то кому-то их объявлял, а уж тем более заносил в личное дело.

— Ну, что, я виноват, что так вышло? — произнес я банальную фразу школьника, оправдывающегося в совершенной шалости перед классным руководителем.

Иван Сергеевич обреченно махнул рукой.

— Ты никогда ни в чем не виноват, — выдал он не менее тривиальный ответ классного руководителя по тому же поводу. — Давай умывайся и догоняй!

Что ж, начальник всегда прав. Ладно, пусть завучу перед детьми стыдно будет за то, что в его спортшколе тренеры на работу с разбитыми физиономиями ходят.

Я смыл с лица засохшую кровь и двинулся следом за дядей Ваней.

Перпендикулярно центральной дороге с трамвайными рельсами посередине шла широкая, идеально ровная дорога метров пятьсот в длину, которая упиралась в большущие ворота с двумя солидных размеров мячами вверху по обеим сторонам от них и дугообразным перекрытием между ними, на котором рельефными буквами было написано «Стадион «Трактор». Мы с Иваном Сергеевичем прошли по дороге, миновали арку и, прошествовав к одному из расположенных на территории стадиона зданий, где располагались

спортзалы для борьбы, нырнули в него. Завуч действительно проводил меня до моего рабочего места, так как двери его кабинета и моего зала располагались в одном длинном узком коридоре. Повезло мне с соседом.

До начала тренировки оставалось еще сорок минут, и я отправился в душевую кабину смыть с себя грязь, которая накопилась на мне за время пребывания в изоляторе временного содержания, а заодно уничтожить бомжовский запах, который впитали поры моего тела.

И вот тут под струями прохладной воды, лившейся из душа, я решил попробовать отыскать преступников, похитивших из Музея искусств картины. Не найти во что бы то ни стало, а именно попробовать отыскать. Не найду, и бог с ними, нет крайней необходимости землю носом рыть и из-под нее тех двоих с рулонами холстов доставать, чтобы от себя подозрения отвести. Нет у майора против меня ничего. Ну а если найду — честь мне и хвала! — утру нос оперу, а заодно удовлетворю свое любопытство. Хочется знать, кто были преступники и где теперь картины великих мастеров, любоваться которыми по милости трех отморозков лишились возможности два миллиона граждан нашего города.

Выйдя из душа, я, взявшись за два конца полотенца, некоторое время разгонял бегавших по

моей спине мурашек, образовавшихся от холодной воды, затем насухо вытерся и, переодевшись в спортивный, не пахнущий бомжами костюм, покинул тренерскую раздевалку.

В большом прямоугольном зале, застеленном борцовским ковром так, что оставалось место для кое-каких спортивных снарядов, было пустынно.

Я пробежался по спортзалу, слегка размялся, затем качнулся на снарядах, с удовольствием ощущая, как мышцы твердеют, наливаются силой, как в теле появляются легкость, упругость.

Начали собираться мои ученики. Первыми ласточками были впорхнувшие в спортзал, уже переодетые в спортивную форму трое подростков или, скорее всего, не три ласточки, а два откормленных голубя и один воробушек. Именно так на фоне двух крепышей-сверстников смотрелся Славка Минаев — тощий пацан с большими глазами, веснушками и толстыми губами, которыми в самый раз с кустов смородину обирать. Это он бежал за «Опелем» по Новокузнецкой и заглядывал в окно машины.

Я махнул рукой, подзывая пацана, и, когда он приблизился, сказал:

— Пойдем, Славка, поговорить нужно.

Приобняв мальчишку за плечи, я повел его на ковер в угол зала, где стояла гимнастическая скамейка. Усевшись на нее, мы прислонились

спинами к стене, обитой по периметру зала, примерно на высоте полутора метров, матами, чтобы, если кто из борцов во время тренировки врежется в стену, не ушиб себе чего.

— Я знаю, Игорь Степанович, о чем вы со мной поговорить хотите, — шлепнув толстыми губами, сказал Славка. — Вы хотите, чтобы я язык за зубами держал, никому не говорил о том, как вы гробанулись на дороге и как вас потом в полицию забрали.

— То, что произошло на Новокузнецкой, — ошибка. Меня с другим спутали. Но ты действительно помалкивай насчет утреннего инцидента, не позорь тренера. А поговорить я с тобой хотел вот по какому поводу. — Я наклонился к парню и доверительным тоном спросил: — Ты же сегодня утром возле мусорки проходил, когда два мужика с рулонами холстов под мышками через забор перепрыгивали?

— Ну да, — с любопытством взглянул на меня Славка. — А что?

Я почувствовал легкое волнение.

— А ты не запомнил лица первого бежавшего человека?

Славка сделал сосредоточенное лицо, очевидно, пытаясь вспомнить облик бандита, но тщетно.

— Нет, Игорь Степанович, — сказал он,

шмыгнув носом. — Первого не помню, я на него внимания не обратил, бежит человек и бежит, мало ли по дорогам людей бегают. А вот когда пальба началась, то на второго я уж во все глаза глядел. Так что его я хорошенько запомнил.

Я махнул рукой.

— Второго-то я и сам хорошо запомнил. Но, может, — я еще не терял надежды кое-что выяснить, — ты видел, куда те двое делись после того, как за забором оказались? С того места, где ты шел, часть обратной стороны забора должна была быть видна.

Парень сокрушенно покачал головой:

— Нет, Игорь Степанович, не видел. Когда бандиты забор перепрыгнули, я уже мимо мусорки шел.

Я прицокнул языком. Последняя зацепка и та накрылась. Что ж, значит, не суждено мне найти похитителей картин.

Я слегка хлопнул мальчишку по спине, сгоняя его со скамейки.

— Ладно, Славка, иди к ребятам, сейчас тренировку начнем.

Однако пацан не сдвинулся с места. Ему очень хотелось угодить своему тренеру, хоть чем-то помочь.

— Игорь Степанович, я-то не видел, — сказал

он интригующе. — А вот Васька Шейнин, может, и видел. Мы с ним живем рядом, а учимся в разных школах. Выходим из дому утром в одно и то же время, половину пути вместе идем, а потом расходимся как раз у мусорки. Он за забором к своей школе топает, так ему ближе, а я прямо двигаю. Вот и сегодня, только мы с ним расстались, как эти мужики через забор перемахнули.

Я оживился, потрепал парня за загривок и воскликнул с подъемом:

— Ну, это же здорово, Славка! Как бы мне встретиться с твоим другом?

— Ну, — парень запустил в волосы пятерню и почесал затылок. — Сегодня уже не успеем, а вот завтра я Ваську в спортзал приведу.

— Подходи со своим дружкой после уроков, тогда и поговорим.

В спортзале было уже полно детворы. Я поднялся и окинул воспитанников строгим взглядом.

— Становись! — рявкнул я громовым голосом и прошел на середину зала.

Глава 4

После тренировок я переоделся в пахнущую бомжами одежду и покинул стадион. На стоянке у центрального входа стадиона меня поджидала все

та же девица, о которую я споткнулся. Вот прицепилась. Я уверенным шагом направился к ней, решив раз и навсегда отбить у нее охоту таскаться за мной. Девушка поджидала меня со смущенным видом, переминаясь с ноги на ногу. Видя, что я настроен агрессивно, девица и вовсе растерялась. Она шагнула мне навстречу и пролепетала:

— Игорь, мы в прошлый раз с вами не договорили. Я все же хочу извиниться перед вами...

— Послушай, красавица, — остановился я и сверху вниз уничтожающе глянул на девицу. — Ты, как тот чиновник из рассказа Чехова «Смерть чиновника», покою мне не даешь...

— А, знаю, — неожиданно захихикала девица. — Рассказ о том, как чиновник один в театре чихнул на лысину генералу, а потом долгое время ходил за ним и извинялся до тех пор, пока не умер.

— Вот-вот, — чему-то усмехнулся и я. — Считаю, что я тебя простил.

— Ну, вот и хорошо! — подхватила девица, и лицо ее озарилось лучезарной улыбкой. — В таком случае давайте посидим где-нибудь, выпьем мировую. Я знаю здесь неподалеку вполне приличное и недорогое кафе. — И, видя мою

нерешительность и по-своему истолковав ее, поспешно добавила: — Да вы не волнуйтесь, платить буду я — в качестве компенсации за тот моральный ущерб, который вам причинила. Вы по моей вине в полицию угодили.

— Да мы вроде и сами не бедные, — сказал я раздумчиво и, отбросив антипатии, впервые оценивающе взглянул на девушку.

Признаться, я не могу по достоинству оценить фигуру женщины, если она одета в джинсы или брюки. В мини-юбке или без нее — пожалуйста. Но когда изящные линии, изгибы и формы тела скрыты вышеназванным предметом одежды, тут я пас — в упор не вижу достоинств. Видимо, воображение у меня слабо развито.

Но то, что у стоящей передо мной девицы фигурка была ладная, было заметно и в джинсах. Девушка была невысокая, хрупкая, изящная, как статуэтка. Лицо довольно милое, с густыми бровями, большими наивными глазами, маленьким чувственным ртом, хорошеньким носиком. Украшением девицы были длинные, ниже плеч, густые волосы темно-каштанового цвета. В общем и целом девушка была что надо. И чего я на нее взъелся? В конце концов, она сегодня находилась на Новокузнецкой, была свидетельницей преступления, а раз уж я решил взяться за

расследование этого дела, то она вполне могла мне пригодиться.

— Ладно, давай показывай, где твое кафе, — согласился я.

— Вот и отлично, — обрадовалась девушка, довольно бесцеремонно подхватила меня под руку и потащила по широкой дороге.

— И как же тебя зовут, мой камень преткновения? — поинтересовался я, стараясь шагать не так широко, чтобы дать возможность девушке приноровиться к моему шагу.

— Оксана. Оксана Ветрова, — промолвила девушка, просовывая руку поглубже под мой локоть и заглядывая мне в лицо. — А как вас зовут, я знаю. Игорь Гладышев. Мне полицейский Самохвалов сказал.

— Стукач мент, — резюмировал я, вполне комфортно ощущая себя в качестве кавалера хорошенькой попутчицы, и великодушно разрешил: — Можешь называть меня на «ты».

Мы прошагали до перекрестка и сели в троллейбус, который провез нас по весеннему городу две остановки и высадил на открытом всем ветрам бугре, где, кроме небольшого магазина, авторемонтной мастерской и кафе, других строений не было.

Кафе с красочной вывеской «Сад желаний» — по верху массивных ворот — находилось в

котловане и было окружено невысоким кирпичным забором.

Мы миновали небольшую круглую площадку с тремя припаркованными машинами на ней, вошли в калитку и спустились по широким мраморным ступеням в густо засаженный цветами двор, с небольшим фонтаном в центре него. В углу двора находилось подсобное помещение, дальше по периметру располагались кабинеты, за ярко освещенными окнами которых видны были сидевшие за столиками посетители. Негромко звучала музыка. Действительно, приличное место.

С порога одной из дверей, как с летка на поиски нектара, выпорхнула похожая на пчелку официантка с талией такой тонкой, как шпильки ее туфельки. Она процокала к нам каблучками по выложенной асфальтной плиткой дорожке и защебетала:

— Мы рады вас приветствовать в нашем заведении. Пройдемте, пожалуйста, я вас провожу в кабинет.

Покачивая бедрами, официантка прошла в ближайший свободный кабинет. Мы — следом.

Помещение было небольшим, уютным. В нем находились два низких кожаных дивана и низкий же стол, на котором стояла ваза с цветами и два комплекта столовых приборов.

Вильнув соблазнительной частью своего тела,

официантка исчезла, а мы с Оксаной в ожидании заказа уселись на диваны и разговорились.

Ветровой оказалось двадцать семь лет, хотя, признаться, я думал, она значительно моложе. Во всяком случае, выглядела она юной. Оксана жила вдвоем с мамой у гостиницы «Космос». Окончила институт иностранных языков, но, как принято нынче говорить, временно не работала (раньше бы сказали, тунеядствовала) и работать, кажется, в ближайшее время не собиралась, ибо в этом особой необходимости не было. Мать Оксаны была какой-то там элитной портнихой, так что семья материально была обеспечена. Не замужем, что не очень-то отрадно, так как я предпочитаю иметь дело с замужними, которые не имеют на меня виды. Впрочем, чего это я? Я на нее и сам никаких видов пока не имел.

Я тоже рассказал Оксане кое-какие факты из моей биографии, однако Ветрова ими не удовлетворилась и стала исподволь более подробно расспрашивать меня о моей жизни. Ее интересовало многое, а в частности, моя наследственность. Не было ли у меня в семье душевнобольных, алкоголиков, а также не страдаю ли я сам какими-либо неизлечимыми недугами и пороками. Некоторые вопросы удивляли меня, но я, по возможности, честно отвечал на них, тем более что

скрывать мне особо нечего — в роду идиотов у меня не было, я не алкоголик и здоров как бык.

Наконец официантка принесла заказ. Мы особо не шикавали — заказали бутылку хорошего вина, кое-какие закуски и шашлыки.

Пришел мой черед задавать именно те вопросы, ради которых я, собственно, и пришел в «Сад желаний» с Оксаной.

— Как ты утром оказалась на Новокузнецкой? — спросил я, отхлебнув вина.

Оксана пригубила вина и невинно хлопнула глазками.

— Кто, я?

Я отчего-то разозлился на непонятливость девушки. Хрумкнув листом салата, сдержанно ответил:

— То, что я делал сегодня на Новокузнецкой, я отлично знаю и буду помнить это утро до конца своих дней. Конечно, я спрашиваю, что делала на улице ты.

Ветрова хихикнула:

— По магазинам прогуливалась.

Мои зубы, стаскивавшие в этот момент с шампура кусочек ароматного мяса, разжались.

— В половине девятого утра?

— А почему бы и нет? — в свою очередь, удивилась Оксана. — У меня подруга в этих краях живет. Я у нее ночевала, а утром, возвращаясь

домой, по дороге решила пройтись по магазинам.

— Логично, — я снял зубами с шампура кусочек мяса и заработал челюстями. — А чего ты ко мне под ноги-то бросилась? Подвиг решила совершить, своим хрупким телом матерого бандита, похитившего художественные ценности, остановить?

Оксана прыснула со смеху и прикрыла ладонями нижнюю часть лица. Надо сказать, Ветрова нарочито смущалась, кокетничала, разыгрывая из себя маленькую девочку, стараясь вести себя соответственно тем годам, на которые выглядела. Но она была далеко не дурочка, я видел ее насквозь, и тем не менее ее кокетство и наигранная непосредственность мне импонировали.

Девушка отняла руки от лица, в ее глазах лучилось веселье.

— Да нет, просто я испугалась сильно. Выстрелы, толпа мужиков бежит. Вот я по дурости и села, закрыв голову руками.

— Ну да, — поддакнул я. — Инстинкт страуса сработал: при опасности голову в песок прятать.

— Что-то вроде того, — с озорным видом встряхнула головой Оксана, и кончики ее чудесных каштановых волос взметнулись и тут же приняли первоначальное положение.

Девушка нравилась мне все больше и больше. Мне захотелось потрогать ее шелковистые волосы

руками, но я сдержался.

— А ты не обратила внимания, как выглядел бежавший впереди парень? — задал я свой излюбленный вопрос.

— Хочешь попробовать бандитов разыскать? — тотчас смекнула Оксана.

— Хотелось бы, — признался я. — Уж очень эти ребята мне насолили.

Пальцы рук у Ветровой были сцеплены на коленях в замок. Она расцепила их и снова сцепила.

— Нет.

— Жаль, — посетовал я, наливая в фужеры новую порцию вина. — Ну, если что интересное вспомнишь, дай знать. Я, если что узнаю, тоже тебя, в свою очередь, проинформирую.

Я поднял фужер и хотел подать его Оксане, но рука моя так и повисла в воздухе. Девушка неожиданно изменилась в лице и резко опустила голову. Ветрова сидела напротив окна, я — на соседнем диване сбоку от окна. Резко взглянул в окно. Солнце уже садилось, на фоне заката в окне, будто в портретной рамке, четко вырисовывался силуэт парня, одетого в джинсы и футболку. Парень был хорош собой — рослый, с рельефной мускулатурой, с мужественным приятным лицом. Он стоял, скрестив на могучей груди крепкие руки, смотрел на Оксану и насмешливо улыбался.

Если девушка опустила голову для того,

чтобы ее не узнали, сделала она это напрасно. Парень — несомненно, знакомый Оксаны — заметил ее и узнал. Он с осуждением качнул головой и исчез из оконного проема.

— Какие-то проблемы? — Я поставил фужер перед девушкой.

Она исподлобья глянула в окно и, заметив, что парень ушел, подняла голову.

— Никаких! — С напускной веселостью она подхватила фужер и объявила: — Так, знакомый один, с которым мне не очень хотелось бы встречаться. Но не спрашивай меня больше о нем. Хватит! — Она лихо отпила полфужера вина и взялась за остывающий шашлык.

У меня вообще-то и в мыслях не было спрашивать ее о парне. Какое мне дело до ее знакомых. Я пожал плечами и принялся доедать оставшиеся в тарелках салаты.

Мы посидели еще немного, поболтали и стали собираться. Расплачивался за ужин, разумеется, я.

На улице уже стемнело. Зажглись фонари. На небе среди россыпи сверкающих звезд желтым пятном маячил полумесяц. Дул легкий ветерок, он приятно освежал разгоряченное от выпитого вина лицо.

Я рассчитывал, как это принято, поблагодарить Оксану за приятно проведенный вечер, затем посадить ее на такси, а самому

отправиться домой и наконец-то после тяжелого, утомительного дня завалиться на свой диван.

Увы, мои приключения на сегодняшний день еще не закончились. Неподалеку от круглой площадки перед кафе, в темноте, стояли трое молодых людей, в одном из которых я без труда узнал того самого парня, который заглядывал в окно кабинета кафе. Ребята явно поджидали нас и были настроены агрессивно.

Неприятно заныло под ложечкой, а в коленках появилась мелкая дрожь. Нет, не из-за того, что я трус и боюсь драться, вовсе нет. Просто перед дракой на меня небольшая трясучка нападает, которая проходит после первого же удара по физиономии противника. Такова реакция организма на опасность. Но я с дрожью не борюсь, она служит мне своего рода сигналом, мол, будь наготове, Игорек, драка будет. Вот и сейчас сигнал поступил, и я внутренне напрягся.

Девушка тоже заметила компанию и, вцепившись в мой локоть, потащила меня в сторону от нее.

— Пойдем быстрее! — шепнула она. — Не оглядывайся.

Скорым шагом мы направились вдоль дороги. Место было отдаленным от оживленной части города, людей видно не было, по дороге проносились редкие машины. Я поднял руку —

крутой джип никак не прореагировал на просьбу остановиться, гордо проплыл мимо.

За нашими спинами никакого движения не чувствовалось. «Может быть, пронесет?» — подумал я, ускоряя шаг. Уж очень мне драться не хотелось. Черта с два.

— Оксана! — раздался сзади негромкий окрик, и слышались звуки наступающих нас шагов.

— Не оборачивайся! — снова шепнула Ветрова.

— Ага! — усмехнулся я. — Чтобы по затылку чем-нибудь звезданули и обоих рядком уложили на дороге. Нет уж, извини, опасности надо в глаза смотреть.

Я остановился, повернулся. Вынуждена была последовать моему примеру и Оксана. К нам скорым шагом приближались трое парней. Первым шел рослый парень с рельефной мускулатурой. Чуть поодаль от него двигался невысокий крепыш приклатненного вида, и замыкал шествие худенький пай-мальчик в идиотской панамке. Его самого от хулиганов защищать нужно, а он туда же, в крутые метит...

Компания подошла решительным шагом и одновременно остановилась, будто кто подал ей команду «стой».

— Вольно! — произнес я и встал напротив

парня так, будто собирался принять от него рапорт.

— Шутник, однако, — презрительно скривив губы, бросил красавчик и обратился к девушке: — Оксана, Паша будет очень недоволен тем, что ты таскаешься по кафе с каким-то типом.

Слово «тип» неприятно резануло слух, но я решил смолчать, тем более что разговор пока шел в спокойном тоне.

Девушка почувствовала себя не в своей тарелке. Оно и понятно: и передо мной вроде неудобно за то, что обнаружился Паша, который права на нее имеет, и перед приятелем Паши — за то, что ее в кафе с новым хахалем застукали.

— Что я, в кафе не имею права сходить? — выкрутилась Оксана, сумев не отказаться ни от меня, ни от Паши.

— Имеешь, — ухмыльнулся парень, — но было бы лучше, если бы Паша об этом знал.

Нет, без драки не обойтись. У всех троих ребят чесались кулаки, это было заметно по их напряженным телам и напряженным лицам, но они никак не могли найти повод, чтобы начать против меня агрессивные действия. Так чего время-то тянуть, раз драка все равно неизбежна.

Я изогнулся вопросительным знаком и тоном врача, интересующегося здоровьем у душевнобольного, возомнившего себя Наполеоном, спросил:

— А что, без ведома великого Паши девушкам нашего города уже и сходить никуда нельзя?

Ну вот и подходящий повод начать потасовку. Парень от радости аж засветился изнутри.

— Заткнись, козел! — сказал он, сдерживая эту самую радость.

— Виталик, прекрати! — попробовала было урезонить красавчика Оксана, но куда там...

— Помолчи! — бросил он ей и переключил все свое внимание на мою персону.

Козел — это не «тип». За козла морду положено бить, ежели ты мужик, конечно. А я мужик.

— Сын твоего папы козел, — витиевато выразился я и сжал кулаки. Сейчас что-то будет.

И не ошибся. Виталик в дальнейшие дебаты относительно того, кому и кем доводится бородатое домашнее животное, вступать не стал. Неожиданно резко выбросил вперед руку. Если бы я не был готов к отражению атаки и не отклонился в сторону, его кулак точно попал бы мне в нос, и тогда исход поединка был бы решен, разумеется, не в мою пользу, ибо удар у парня был поставлен превосходно — кулак промелькнул мимо моего носа со свистом пролетевшего мимо пушечного ядра. Сам обладатель увесистой, похожей на палицу длани, не устояв на месте, шагнул вслед за ней и

наткнулся на выставленную мной ногу. Окончательно потеряв равновесие, Виталик вскинул над головой руки и, словно спортсмен по прыжкам в воду, красиво нырнул, врезавшись носом в асфальт. Во Дворце водного спорта на соревнованиях судьи за такой нырок обычно ставят наивысшую оценку.

Дрожь в коленках все еще не проходила. Чтобы избавиться от нее, мне, как известно, требовалось разок съездить кому-нибудь по физиономии. Подходящая для снятия трясучки маячила в метре от меня. Принадлежал лик приклатненного вида крепышу. Парень был готов к схватке, бросился ко мне и наварлся на мой кулак, пришедшийся ему в челюсть. Трясучки как не бывало. Со звуком «члѐп» открылся рот приклатненного, а на мою руку брызнули то ли слюни, то ли кровь парня. Челюсть приклатненного оказалась крепкой. Он устоял на ногах и, размахивая руками, снова кинулся в бой. Но не зря же я годами оттачивал приемы на ковре, соревнованиях, а потом на тренерской работе. Перехватив своей рукой руку парня, я дернул ее книзу, выводя крепыша из равновесия, затем ударил его грудью в грудь и подсек его ноги сзади своей ногой. Крепыш взлетел в воздух так, будто подпрыгнул на батуте. Я не стал поддерживать парня, чтобы он не упал на землю и не дай бог чего

себе не отшиб, наоборот, отпрянул. Крепыш, на мгновение зависнув в воздухе, вдруг ухнул вниз, будто в пропасть, а достигнув земли, плашмя упал на нее, раскинув руки и ноги, и затих.

Напрасно я не принял в расчет пай-мальчика в панамке. Дохлый оказался каратистом. С диким криком «И-я!» доходяга подскочил на месте метра на полтора — и откуда такая прыгучесть взялась — и послал обутую в кроссовку ногу вперед. Метко. Ребристая подошва обуви прилась мне аккурат наискосок лица. Наверняка на нем остался отпечаток. В голове раздался звон, а перед глазами поплыли радужные круги. Я потерял возможность не только видеть, слышать и соображать, но и ходить. На заплетающихся, полусогнутых ногах, а потом и вприсядку я прошел метра три, а затем, зацепившись пяткой за бордюр, ограждавший дорогу, перелетел через него и растянулся на асфальте.

К счастью, способность воспринимать окружающий мир вернулась ко мне довольно быстро. Когда пай-мальчик подскочил ко мне и сделал замах ногой, чтобы добить лежачего, я уже был в относительно хорошей физической форме, сумел увернуться от летящей в лицо кроссовки и с силой пнул доходягу по голени. Тот взвыл и запрыгал на одной ножке, и его дурацкая панамка

запрыгала на его голове в такт прыжкам.

Я вскочил на ноги, успев краем глаза обзреть поле боя. Виталик уже очухался. Он сидел на земле и фыркал. Приблатненный же корчился от боли, лежа на спине — видимо, здорово себе внутренности отбил, — но, кажется, тоже приходил в себя. Где-то на заднем плане, заламывая руки, с безумным видом металась Оксана. Она не знала, к кому обратиться за помощью.

Боль у паренька в панамке, по-видимому, прошла. Он крутанулся на месте и снова попытался нанести мне удар ногой. Хватит! Я перехватил его стопу у своей груди и с силой повернул. Парень пропеллером прокрутился в воздухе, однако с ловкостью кошки вывернулся и приземлился на обе ноги. Акробат чертов.

Поднялся с земли Виталик и с грацией мертвеца, восставшего из могилы, двинулся ко мне. С другого боку приближался еще один зомби — приблатненный. Оклемался, гад. Будем считать, что разминка закончилась. Ну, поехали, ребята!

На меня набросился рой кулаков. Разгоняя его, я рвался к пай-мальчику в панамке, своему главному обидчику, оставившему на моем лице след от своей кроссовки. И на кой черт мне этот доходяга сдался!

Ерунду в боевиках показывают, будто

какой-то там ван Дамм один чуть ли не роту солдат вырубают. Я не слабее артиста Жана Клода ван Дамма, без хвастовства говорю, но не то что с ротой или даже взводом — с двумя хорошо натренированными мужчинами вряд ли справлюсь. А тут — трое. Удары и пинки сыпались со всех сторон градом. Забыв о парне в панамке, которую тот, кстати, уже обронил, я отбивался от них как мог.

Наверное, меня бы заклевали до смерти, если бы мне не помогла Оксана. Она бросилась между мной и нападавшими и, принимая на себя часть ударов, завизжала:

— Прекратите, мать вашу! Пре-кра-ти-те!

Как ни странно, ее окрик подействовал. Троица, глумившаяся надо мной, неожиданно сбавила обороты, удары стала наносить реже и слабее — и все из-за спины прикрывавшей меня Оксаны, а затем и вовсе оставила мою персону в покое.

Дохлый поднял с земли свою панамку, отряхнул ее о колено, нахлобучил на голову и поплелся вдоль дороги. Даже не пообещав «в другой раз со мной разобраться», следом за ним потянулись и Виталик с приبلатненным. Вскоре компания растворилась в темноте.

Здорово меня потрепали. Я сидел на земле,

прислонившись к забору кафе, и отдыхал от побоев. Есть, оказывается, в жизни радости — чувствовать (а может быть, наоборот, не чувствовать?), что тебя не бьют.

— Ну как, ты в порядке? — произнесла Оксана голосом тренера, спрашивающего у боксера, севшего после изнурительного раунда в углу ринга на табурет передохнуть.

Я вышел из того блаженного состояния, в котором пребывал, и кивнул головой:

— В порядке. А что, мне снова на ринг?

— Какой, к черту, ринг? Ты что, бредишь? — участливо спросила девушка и протянула мне руку. — Вставай давай!

Я взялся руками за теплую девичью ладонь и рывком поднялся. Какое там, к черту, «в порядке»! Я без посторонней помощи и шагу ступить не мог. Вовремя «мой тренер» выбросил на ринг полотенце, вернее, девушка прекратила поединок, а то бы калекой остался.

— Пошли домой, тренер! Мне нужно отдохнуть. — Я оперся о хрупкие плечи девушки.

Приобняв меня за талию, Оксана покачала головой.

— У тебя с мозгами что-то случилось, раз ты заговариваться стал. Это ты тренер спортшколы, — она повела меня к дороге. — А вот до дому тебя действительно придется проводить, иначе не

дойдешь.

Мы доковыляли до дороги и стали ловить машину. Остановились сразу две. Вторая — не очень старый «Фольксваген» — понравилась мне больше.

— И где ты раньше был? — сказал я водителю, забираясь с помощью Оксаны на заднее сиденье автомобиля. — Когда такого парня трое жлобов у дороги избивали?

Со стороны мы напоминали подвыпившую парочку, возвращавшуюся домой после бурной вечеринки. Так нас мотало из стороны в сторону, пока мы шли в обнимку по тротуару от остановившегося неподалеку от моего дома такси до подъезда. К счастью, Лидия Ивановна нам по дороге не встретилась, а то на следующий день ей было бы о чем посудачить с соседями.

В моей квартире в коридоре большое круглое зеркало отражало уже не того человека, который утром, хотя небритый и помятый, зато чистый и небитый уходил из дому. Из зеркала на меня смотрел изможденный, грязный человек с изуродованным угрюмым лицом. Повеселились... К заработанной утром при падении на Новокузнецкой ссадине на пол-лица на нем наискось добавился отпечаток от подошвы кроссовки доходяги, здорово смахивающий на след от протектора шипованной шины. Господи, и что же я завтра в оправдание по

поводу нового украшения на лице детям, а главное, Ивану Сергеевичу скажу?

Ладно, завтра будет завтра, а сегодня ко мне в гости похожая на статуэтку девица заглянула. Таких у меня еще не было. Ну, а раз в моем доме поздним вечером появилась подвыпившая, кажущаяся легкодоступной дама, то и вести себя нужно соответственно обстоятельствам — предельно корректно, значит. Но вначале нужно кое-что выяснить.

— Вопрос, леди, — сказал я, убирая руку с плеч Оксаны и скидывая обувь. — Кто такой Паша и почему он до такой степени не любит, когда ты ходишь с чужими мужчинами в кафе, что даже приятелям своим наказал бить их смертным боем, ежели они встретят таковых в кафе в твоём обществе?

Нет, девушка ничуть не смутилась. Она небрежно махнула рукой и заявила:

— Так, знакомый один, ухаживает за мной.

Я без посторонней помощи вошел в комнату, которую, к счастью, уходя, прибрала Дашка, и стал стаскивать с себя грязную рубашку.

— Крутой, что ли?

— Вроде того, — Оксана с детским любопытством рассматривала мою обставленную старомодной мебелью квартиру, доставшуюся мне в наследство от усопшей матушки. — Так, значит,

живут одинокие мужчины? — поинтересовалась она, уже зная о моем семейном положении из моих рассказов в кафе.

«Что ж, о Паше я сегодня так ничего и не узнаю», — заключил я и скинул наконец рубашку.

— А ты думала, холостяки живут на шикарных виллах с бассейнами с лазурной водой и каждую ночь водят к себе домой девушек? Я не такой! — «В смысле, виллы и бассейна у меня нет», — добавил я про себя. — Ты как, сегодня у меня остаешься? — и я открыто и честно посмотрел на девушку — пусть видит, что таких правдивых глаз не может быть у сексуального маньяка.

Оксана несколько мгновений разглядывала меня изучающим взглядом, сделала, по-видимому, относительно моих наклонностей положительные выводы и, невинно хлопнув глазками, согласилась:

— Останусь, за тобой уход нужен. Только позвоню маме, предупрежу, что не приду сегодня домой.

Брюки снимать перед девушкой я постеснялся.

— Привет маме, — сказал я, отправился в ванную и там разделся.

Действительно, жаль, что бассейна с лазурной водой у меня нет. Поплавал бы в нем — живо от усталости, а возможно, и от болезненных ощущений избавился бы. Ладно, контрастный душ

тоже тонус повышает.

Я искупался и вновь вернулся в комнату. Оксана уже поговорила с мамой и сейчас сидела на моем любимом диване со скучающим выражением на лице и смотрела по телевизору какой-то фильм. Телевизор был старенький, еще советский, показывал расплывчато, неярко, стыдно мне за него.

Вид у Оксаны, как и у меня, был плачевный — одежда испачкана, на шее царапина. Пока девушка приводила себя в порядок в ванной и купалась, я собрал на стол — выставил на журнальный столик кое-какую закуску, принес из холодильника не допитую с Дашкой бутылку водки, вскипятил воду и заварил чай.

Полчаса спустя Оксана, чистенькая, пахнущая душистым мылом, в моей старенькой застиранной рубашке, сидела рядом со мной и зевала, как новорожденное дитя после кормежки.

Нет, сегодня день не удался во всех отношениях, и в плане любви тоже. Когда я после рюмки водки и вялого, сорванного с девичьих уст поцелуя по-хозяйски разложил гостью все на том же диване, встретил неожиданное решительное сопротивление.

— Извини, но я не готова вот так, сразу... — пролепетала она застенчиво и села, застегивая на

себе мою рубашку, которую я, зная о растянувшихся на ней петлях, расстегнул одним движением руки сверху и донизу.

— Для меня тоже половая связь с девушкой в первый день знакомства является дикостью, — признался я, поцеловал Оксану в щечку и поднялся. — Спи спокойно, принцесса!

— Хорошо, что не мертвая царевна, — хихикнула девушка.

— Только не нужно страшных сказок на ночь, не люблю! — Я достал из обшарпанного шкафа комплект чистого белья, бросил его на колени Оксане, сам взял с дивана сложенные Дашкой в стопку две мятые простыни и удалился в соседнюю комнату на запасной диван, который и существует у меня на тот случай, если гостя попадается строптивая.

Уснуть сразу не удалось. Случается подобное от перенапряжения. Не менее получаса проворочался я на ужасно жестком диване, прежде чем, как говорят поэты, сон коснулся моих ресниц. И вот, когда я наконец-то, выражаясь по-простому, захрапел, от двери к дивану легким ветерком промелькнула неясная тень, и ко мне под простыню впорхнула Оксана, потерявшая где-то мою рубашку.

Ну, я же говорил, что день у меня сегодня неудачный. Ибо заниматься в час ночи сексом

после того, что я сегодня пережил, весьма обременительно, хотя и приятно.

Глава 5

Попка у нее оказалась идеальной, руки хрупкими, ноги, правда, немного худыми книзу, что, впрочем, нисколько не умаляло достоинств ее фигуры. Статуэтка, одним словом. Даже лобок безупречно выбрит, кажется идеально гладким, будто у мраморного изваяния женщины.

Нельзя долго на спящую обнаженную женщину смотреть — очарованным станешь! Я еще раз окинул взглядом фигурку Оксаны, лежащей в целомудренной позе Джульетты после проведенной с Ромео якобы брачной ночи, потянулся и вышел из комнаты.

Тренировка у меня начиналась в одиннадцать часов, поэтому торопиться было некуда. Чувствовал себя неплохо, вроде ничего нигде не болело, выспался, накануне выпил не так уж много.

Я не спеша умылся, потом отправился на кухню, набрал в чайник воды, поставил его на плиту. Отправился будить Оксану. Дома ее оставлять нельзя. Не потому, что боюсь, будто она украдет у меня что-нибудь, просто ключей у меня два комплекта — один у меня, другой у Дашки, так что, если Оксана после меня будет уходить,

запереть дверь ей будет нечем.

Принцесса оказалась неженкой, встала неохотно, с капризами, очевидно, ждала, когда ей кофе в постель подадут. А я кофе в постель не люблю, я перед завтраком умываться и зубы чистить привык. Что и Оксане сделать посоветовал. Вышли мы из дому час спустя. На остановке обменялись номерами телефонов, договорились созвониться и распрощались. О том, что девушка была каким-то образом причастна к моим вчерашним невзгодам, я уже не вспоминал.

Ровно в одиннадцать я был на работе, стоял в спортивной форме в центре зала и кричал бегавшим по кругу пацанам:

— Правым боком бегом марш!.. Левым боком!.. Спиной вперед!.. Перешли на шаг. Вдох!.. Выдох!.. Вдох!.. Выдох!..

Синяка, как я боялся, от кроссовки доходяги в панамке на моем лице не осталось — так, небольшое покраснение, так что оправдываться перед дядей Ваней ни за что не пришлось, — а неловкость перед ребятами я испытывал только за ссадину на щеке.

После обеда, когда я проводил тренировку с мальчишками, отучившимися в школе в первой смене, в спортзал заглянул Славка Минаев в компании с очкастым пареньком с головой, конфигурацией напоминавшей известный овощ,

описанный Джанни Родари в качестве главного героя в книге «Чиполлино». Оба паренька были в условно-школьной форме, так как единой таковой нынче не бывает, с рюкзачками за спиной — сразу видно, что ребята порядочные, с занятий идут.

Я сделал Славке и его приятелю, которого, кажется, звали Васькой, знак, чтобы подождали меня, так как в этот момент разучивал со спортсменами болевой прием.

— Ну а теперь разбились по парам, встали в партер и принялись за отработку приема, — сказал я, вставая с придавленного мной к коврику пацана, чью руку я завел за голову и слегка на нее давил, и сошел с ковра.

Минаев и его приятель стояли у двери, поджидая меня. Славка отлично знает правила — вход в зал без спортивной формы строго воспрещен, потому-то и стоял за порогом и приятелю входить не позволял.

Я вышел в коридор.

— Привет, мужики, — я поочередно пожал мальчишкам руку; в неформальной обстановке к ним обязательно проявлять уважение нужно, больше любить будут.

— Здравствуйте, Игорь Степанович, — солидно, стараясь говорить баском, изрек Минаев и представил своего приятеля: — Вася Шейнин. Я вам о нем говорил.

— Я помню, спасибо, что пришли.

Мальчишеское начало взяло в Славке верх над желанием казаться старше и солиднее, и он затараторил:

— А вы знаете, тренер, Васька все видел. Он знает про ограбление. Он...

Не нужно, чтобы о случившемся вчера со мной происшествии знал весь стадион. Я провел пальцем по африканским губам Минаева, отчего раздался шлепающий звук, и мальчишка замолчал.

— Потихе, Славка, и не торопись. Пусть твой товарищ сам обо всем расскажет.

Минаев так и остался стоять с открытым ртом, а вместо него заговорил очкастый:

— В общем, так, — голос у него был глухой, говорил пацан слегка в нос. — Когда мы со Славкой расстались, я в дырку в сетке нырнул и пошел вдоль забора, за которым мусорка находится. Тут мне на голову дядька чуть не приземлился. Он отпихнул меня и побежал по тропинке, а когда я прошел немного по ней вперед, второй мужик с забора спрыгнул. Я посторонился, чтобы мужик меня с ног не сбил. Он пробежал мимо и помчался вслед за первым дядькой.

Уже кое-что. Я напрягся.

— А куда они побежали, не обратил внимания?

— Как же не обратил, — удивился Васька, и

глаза его, слегка увеличенные стеклами очков, стали еще больше. — Пальба же была. Я сразу понял, что дядьки преступники, тем более что в руках они какие-то предметы тащили, ну и смотрел им вслед до тех пор, пока они из виду не скрылись. Они между домами побежали в сторону мебельного магазина.

Я радостно потер руки.

— Ну, спасибо вам, мужики, выручили! Мне ваши сведения здорово пригодятся. Ты, Васька, первого мужика хорошо рассмотрел?

— Хорошо.

— А как он выглядел?

— Ну, он в темной рубашке был и черных джинсах, — парень поправил на носу очки. — А рост у него повыше моего будет.

Пока Вася меня ничем не удивил.

— То, что он в темное был одет, это я и так знаю. То, что выше тебя, тоже понятно — не был же он шкетом метр двадцать ростом. Ты мне скажи, лицо у него какое?

— Русское, — не задумываясь, ответил паренек.

Ясно — составитель словесного портрета из Васьки никакой.

— Хорошо, что ты хоть русского от эфиопа отличить можешь, — хмыкнул я. — Но хоть сколько лет ему, сказать можешь?

Что в Ваське мне нравилось, так это то, что на любой вопрос у него был готов ответ. Такая линия поведения хороша при ответах на уроках — главное, не молчать, и двойку не схлопочешь.

— Могу! — охотно откликнулся мальчишка. — Старый он был, лет шестьдесят.

Заливал Васька: с той скоростью, с какой мужик мчался по переулку, в шестьдесят лет уже не бегают. Глупый я, конечно, вопрос задал двенадцатилетнему пацану. В его годы подростки могут определять возраст только своих сверстников либо тех, кто младше их, и то ориентируясь на рост. Жизненного опыта маловато.

Я еще раз поблагодарил мальчишек за оказанную помощь, распрощался с ними и вошел в спортзал.

После работы часа в четыре я отправился на Новокузнецкую с тем, чтобы пройти по маршруту грабителей, может, чего нового и узнаю. Я прошел мимо тянущейся вдоль тротуара сетки-рабицы с небольшой дыркой, сквозь которую вчера пролез Васька, расставшись со Славкой, но протискиваться в нее не стал, решил вначале обозреть окрестности с возвышенного места.

Глянув по сторонам и не заметив никого поблизости, я свернул в закуток и, разбежавшись, запрыгнул на один из мусорных контейнеров, стоящих у забора. Высокий забор оказался мне по

грудь. Моему взору предстала картина не очень унылая, но и не очень веселая — обычный пейзаж городской окраины, на которую наступают многоэтажки, уничтожающие на своем пути частные дома.

Я не зря допытывался у Славки, а потом и у Васьки, в какую именно сторону побежали грабители, потому что за забором — распутье. Можно отправиться вправо — в лабиринты гаражей, прямо — мимо забора детского сада к рынку либо влево — между многоэтажных домов к мебельному магазину, куда бандиты вчера и проследовали.

То, что бандиты побежали именно к нему, было для меня неожиданностью. В той стороне широкий Волгоградский проспект, и затеряться на нем у них мало шансов. Было бы логичнее, если бы они побежали в безлюдные гаражи, а затем задними дворами ушли бы подальше от опасного места или рванули на рынок и растворились бы в толпе. Но бандитам было виднее, куда бежать. Что ж, отправлюсь по их следу.

Я перемахнул забор и скорым шагом направился по дороге, шедшей между домами.

Мебельный магазин стоял на пригорке у пересечения Волгоградского проспекта с дорогой, выходявшей с квартала. Отдельным зданием мебельный магазин не был — обычная

девятиэтажка с большой, приспособленной для торговли площадью на первом этаже. Но уж так повелось в нашем районе называть стоящее на проспекте здание мебельным магазином.

Я поднялся на пригорок, взбежал по высоким ступеням крыльца и вошел в большие стеклянные двери.

Кто не знает, что представляет собой современный мебельный магазин? Лабиринт из комнат и залов, забитых мебелью, со скучающими кое-где на креслах и диванах продавцами и сидящими за столиками с компьютерами серьезного вида менеджерами. Именно в таком магазине я и оказался.

— Уважаемые граждане! — сказал я громко, обращаясь к перечисленным выше работникам магазина, а заодно к слоняющему по нему десятку покупателей. — Вчера утром был ограблен Музей искусств. Из него похищены ценные картины. Слыхали?

Присутствующие в магазине люди притихли, не зная, как реагировать на появление типа, обращающегося к ним с глупым вопросом.

— Из полиции, что ли? — наконец догадался стоявший неподалеку от меня высокий кучерявый парень со смазливим лицом, одетый в черные брюки, белую рубашку и галстук.

Я посмотрел на него насмешливо.

— А ты думал, из санэпидемстанции?

Парень заткнулся. Больше желающих выяснять, какую именно организацию я представляю, в магазине не нашлось, и я, вновь повышая голос, продолжил:

— Примерно без пятнадцати девять грабители проходили мимо вашего магазина. Никто из вас случайно не видел в это время двоих мужчин в темных рубашках и черных джинсах? У них в руках были рулоны с похищенными холстами.

Менеджеры и продавцы недоуменно переглядывались между собой, а посетители с любопытством уставились на меня. Наконец худенькая стройная девица, сидевшая на диване, тоненьким голосом сказала:

— Нет, никто не видел!

— А все ли работники из тех, кто работал вчера, присутствуют сегодня в магазине?

Снова служащие мебельного магазина переглянулись, и та же девица произнесла:

— Все!

— Спасибо за правдивые и исчерпывающие ответы, уважаемые граждане! — кланяясь, произнес я. — Дай бог, чтобы в ваш магазин никогда не заглядывали ни воры, ни грабители.

Все находившиеся в магазине люди почему-то посмотрели на меня как на юродивого. Я не обиделся. На меня часто так люди смотрят.

Повернулся и вышел за двери.

Волгоградский проспект под небольшим углом уходил вдаль к метро. Я направился в ту сторону и, заходя в учреждения и магазины, которых на проспекте было множество, стал задавать работникам и служащим вопросы, подобные тем, какие задавал в мебельном магазине. Но никто вчера утром не видел в окрестностях своих заведений двоих интересующих меня типов.

Обойдя несколько зданий, я вернулся к мебельному магазину и отправился в противоположную от него сторону проспекта. И тут почти сразу же удача улыбнулась мне. Во втором от мебельного магазине — им оказалась «Оптика» — гладенькая, чистенькая, хорошо сохранившаяся особа лет сорока в белом халате на мой традиционный вопрос: «А не видели ли вы вчера утром и т. д...» — будничным тоном заявила:

— Двоих парней в темных рубашках и черных джинсах?.. С картинами? Как же, видела.

По правде, я сегодня уже отчаялся получить положительные ответы на свои вопросы, поэтому слова женщины ошеломили меня.

— Вы уверены? — воскликнул я и подался от двери к сидевшей за прилавком женщине так резко, что чуть не сбил в центре магазина прозрачный шкафчик.

В «Оптике» было столько очков, что было бы

просто удивительным, если бы одни из них не красовались на лице продавщицы. Но мне кажется, видела она превосходно, а очки носила для рекламы, ибо посмотрела на меня поверх оправы.

— С вами все в порядке?

— Да, конечно! — отмахнулся я. — Если можно, подробнее о тех двоих, и откуда вы знаете, что у них были картины?

Очки, видать, здорово мешали женщине, потому что она вообще сняла их и положила на прилавок. Без очков она выглядела лучше.

— Если бы не картины, то я, наверное, и не обратила бы внимание на парней.

— То есть? — Я изогнулся в услужливой позе.

— Вчера утром в магазине покупателей не было, как сейчас, — начала рассказывать продавщица. — Я сидела и от нечего делать пялилась в окно. Вот тогда и заметила торопливо шедших по тротуару молодых людей. В руках у них были длинные рулоны. Неожиданно один из парней споткнулся и выронил рулон. Он упал на тротуар и развернулся. Не до конца, конечно, — до половины, но я поняла, что в рулоны свернуты холсты. Из-за них-то я и запомнила молодых людей. Я еще тогда подумала, чудно как-то — картины без подрамников. Я и понятия не имела, что это картины великих художников и украдены из Музея

искусств.

Женщина говорила, и ее слова оказывали чудотворное воздействие на мой уставший от долгих и бесполезных поисков организм. Я почувствовал прилив сил. Неужели я попал на след?

— Что же было дальше? — подстегнул я продавщицу.

Она повела округлым плечом.

— Да ничего. Парень поднял картину, свернул ее, и молодые люди перешли на другую сторону дороги к кафе.

— Куда они делись потом? — От нетерпения я переминался с ноги на ногу, как лошадь перед началом забега.

По лицу женщины промелькнуло сожалеющее выражение.

— Не знаю. В этот момент в магазин зашли покупатели, и я переключила внимание на них.

— Жаль, — я приятно улыбнулся. — Но спасибо и за те факты, что вы мне изложили. Вы очень наблюдательны. А внешность парней описать можете? Одного я знаю. Широкоскулый такой, узкоглазый. Нос большой, губы полные, отвисшие. — Передо мной живо всплыло лицо остановившегося в переулке и выстрелившего в охранника парня. — А вот как выглядел второй, с удлиненными волосами?

— С удлиненными волосами? —

переспросила продавщица, вновь напялила очки и посмотрела мимо меня в большое — от пола до потолка — витринное стекло на улицу, очевидно, пытаясь представить себе двух спешащих по тротуару парней. — Ну, ему лет тридцать. Лицо у него такое суровое, но приятное. Взгляд пронзительный, тонкие губы, нос прямой... Больше, извините, ничего сказать не могу.

Еще раз поблагодарив продавщицу за оказанную помощь, я вышел из магазина «Оптика» и направился через дорогу.

Кафе называлось «Здравствуй». Оно представляло собой двухэтажное кирпичное П-образное здание с фонтанчиком в середине двора, огороженного декоративным забором. На обоих крыльях здания на втором этаже были летние площадки. На них сидели немногочисленные в этот час посетители. Гремела музыка. Весело тут у них.

Я миновал небольшую автостоянку перед кафе, вошел во двор, где также стояли несколько столиков, и наткнулся на рослую официантку лет двадцати двух. У нее были длинные ноги, выпуклые, будто две громадные лампочки, ягодицы, выпиравшие под мини-юбкой, узкая талия, покатые плечи. Две лампочки чуть поменьше она прятала под блузкой.

— Добрый день, проходите, пожалуйста, вам показать столик? — на одном дыхании сказала

девушка, и на округлом лице ее, покрытом слоем пудры, маскирующим прыщи, появилась заученная улыбка.

— Зря стараешься, я не веселиться пришел, — подыскивая в голосе строгие начальнические нотки, изрек я. — У меня другой интерес. Вчера утром, примерно без пятнадцати девять, в ваше кафе не заходили двое парней с рулонами в руках? — задал я вопрос, неожиданно осознавая всю его нелепость. Дураками же нужно быть, чтобы после ограбления музея расположиться неподалеку от него в кафе и закусывать или, скажем, выпивать. Но раз уж вопрос задан, не забирать же его обратно.

— Да нет, не видела, — сказала девица, как-то странно шевельнув плечами, отчего две вызывающие восторг груди напряглись, разошлись в стороны, чуть не оторвав на блузке пуговицу, и тут же возвратились в исходное положение.

Интересно, умеет ли она проделывать такой же фокус с «лампочками» побольше?.. Черт, отвлекся... В общем, иного ответа от официантки я и не ожидал.

— Но парни направились в вашу сторону. Возможно, они проходили мимо вашего кафе.

— Может быть, — беспечно согласилась девица. Она утратила ко мне интерес, ибо заметила входящих в кафе клиентов, которых по роду своих занятий обязана была обслужить, и, устремляясь к

ним, бросила мне: — А вы у дяди Коли спросите. Он у нас все замечает; может, он и видел тех, кого вы разыскиваете, — и она на ходу кивнула в сторону стоящего у входа в здание кафе невысокого жилистого мужчины лет шестидесяти, в темно-синей форме охранника.

Я направился к нему.

Уж не знаю, каким охранником был дядя Коля в жизни, но роль такового он разыгрывал классно. Мужчина стоял с грозным видом, сложив руки на груди, посверкивал лысиной и, словно лучом прожектора, шарил острым, ощупывающим взглядом по двору кафе, лицам посетителей, пытаясь выявить угрожающую вверенному ему объекту опасность, потенциального нарушителя порядка, а то и скрытого террориста.

Не обошел вниманием его рентгеновский взгляд и мою физиономию, а поскольку я у дяди Коли по каким-то одному ему ведомым признакам подозрения не вызвал, взгляд у охранника стал не то чтобы мягче или добрее — менее настороженным.

Я приблизился к мужчине и с ходу выложил цель своего прибытия, называя его при этом дядей Колей, чем вызвал у охранника некоторое расположение к моей особе.

— Двое в темных рубашках, говоришь, — выслушав меня и осознав всю значимость своей

персоны, от которой зависит поимка преступника, медленно проговорил охранник. Опустив уголки рта, он некоторое время стоял с задумчивым видом, а потом изрек: — Двоих не видал, а вот троих довелось, и не без пятнадцати девять, а без пятнадцати восемь.

Я был раздосадован. Чего-то не в тему мужик говорит. Мало ли кого, когда и где он в своей жизни видел. Я вяло улыбнулся:

— Понятно.

— Пойдем покажу, где дело происходило, — заявил дядя Коля, сошел со ступеней крыльца и направился к боковому входу во двор кафе.

Я двинулся следом. Мы вышли на прилегающую к пустынному проспекту дорогу, на противоположной стороне которой за бетонным забором высилось здание новостройки с подъемным краном, и остановились.

— Похожие на тех парней, что ты говорил, приехали на машине и остановились вон там, — дядя Коля указал рукой на участок дороги у торца кафе. — Я как раз на работу шел, ну и подрулил к вылезшим из машины ребятам. Говорю, мол, так и так, нельзя здесь останавливаться, хозяин ругается, поставьте машину, как положено, на автостоянку. А парни сказали, что отойдут ненадолго, и ушли. Но обманули, подлецы, старика, пропали надолго, — охранник зло сверкнул глазами. — А когда я

выглянул около девяти часов, автомобиль исчез.

По мере того как дядя Коля говорил, я испытывал все большее и большее волнение. Зря на мужика поклеп возводил, подозревая, что он не по теме говорит, на самом деле он мне ценную информацию подкинул.

— Марка у машины какая была, дядя Коля? — спросил я быстро.

— А бог его знает, — махнул охранник рукой. — Я в марках не разбираюсь, машина какая-то черного цвета.

— Иностранная?

— Может быть, иностранная, а может, и нет. Машин-то сейчас развелось, разве все запомнишь.

— Ну, а номер хоть запомнил?

Солнце припекало, и дяде Коле в его униформе было жарковато. Он достал из нагрудного кармана рубашки носовой платок и, промокая им вспотевшую лысину, покачал головой.

— Нет, не запомнил; не подумал как-то, что он мне пригодится, да и память на цифры у меня плохая. А вот об особых приметах рассказать могу. Я же подходил к машине несколько раз, вот и разглядел как следует.

Я голодным взглядом посмотрел на охранника.

— Ну?!

— На правом заднем крыле у машины вмятина была, а на зеркале заднего вида, которое у лобового стекла находится, сувенирчик такой висел — чертик.

Да, с приметами негусто. Я задумался, пытаясь суммировать все те сведения, которые у меня имелись о преступниках, но дядя Коля мой мыслительный процесс прервал:

— Послушай, парень, как я понял, ты в полиции работаешь?

Язык не поворачивался у меня назваться работником органов внутренних дел, и я едва заметно кивнул.

— Порядок есть порядок, — деловито произнес дядя Коля и протянул руку. — Документики покажи!

«Черт бы побрал тебя с твоей бдительностью, — выругался я в душе. — Ведь никто же до сих пор не поинтересовался моим удостоверением».

— А-а, вот ты о чем, пожалуйста! — якобы привычным жестом полез в задний карман джинсов за корочками, но, не обнаружив в нем нужную вещь, на мгновение застыл с озадаченным видом, потом похлопал руками по карманам и расстроено сказал: — Вот, блин, когда продавщице из «Оптики» корочки предъявлял, забыл их в магазине на прилавке. Ты, дядя Коля, подожди меня здесь, я

сейчас за ними сбегаю. Только никуда не уходи! У меня к тебе еще вопросы есть. — Я развернулся и скорым шагом направился через дорогу.

«...Все ясно, — думал я, шагая к остановке. — Дядя Коля видел бандитов, но не после ограбления, а до него, когда парень, бежавший по переулку вторым, был еще жив. Три бандита приехали на машине, бросили ее у кафе, в этот момент охранник их и повстречал. А вот когда после ограбления оставшиеся вдвоем бандиты уезжали, он не заметил. Но почему грабители оставили машину так далеко от Музея искусств? На этот вопрос напрашивался один-единственный разумный ответ. Автомобиль «чистый», принадлежит одному из грабителей, и они не захотели светить его вблизи места преступления».

Глава 6

Я соскучился по Оксане и, когда она позвонила ко мне домой, ужасно обрадовался.

— Хочешь, чтобы я к тебе приехала? — спросила девушка.

От перспективы провести с Оксаной еще одну волшебную ночь у меня перехватило дыхание.

— Еще бы! И чем скорее твое прекрасное тело окажется рядом с моим, тем лучше!

— А как насчет прекрасного личика? — тоном

капризной красавицы произнесла «статуэтка». — Ты никогда про него ничего не говоришь!..

Я честно признался:

— Прекрасным личиком меня не удивишь, бывали у меня девицы и краше тебя, но с такими фигурами...

Оксана некоторое время раздумывала, очевидно, соображая, обидеться ей на мои слова или подождать более солидного повода для обиды, выбрала второе и отозвалась:

— Ладно, будем считать, что ты мне сделал комплимент... Подъеду через час, — проворковала она и многообещающе добавила: — Между прочим, у меня есть для тебя новость!.. — И в трубке зазвучали гудки отбоя.

Пятнадцать минут спустя я уже торопливо возвращался домой из магазина с сумками, полными продуктов, полчаса спустя накрывал журнальный столик, а через час — прохаживался по комнате, с нетерпением посматривая на часы. Когда раздался звонок, я уже поджидал Оксану у двери, так как немногим раньше заметил девушку в окно. Выждав несколько секунд, чтобы не показаться очень уж нетерпеливым, я распахнул дверь.

— Сегодня тебя никто не побил? — окидывая меня критическим взглядом, спросила Оксана и вошла в квартиру. — Да нет, вроде новых синяков

не видно.

Я, в свою очередь, оглядел девушку. Выглядела она потрясающе. На Оксане были экстравагантная в гармошку яркая блузка, изящные босоножки и бежевая юбка чуть выше колен, смотревшаяся на стройной фигурке не менее сексапильно, чем на иной девице мини-юбка. В общем, типаж эдакой бизнесвумен, сошедшей с обложки гламурного журнала.

— Я теперь не дерусь, — похвастался я. — Есть в этой жизни занятия поинтереснее, чем кулаками махать, — и в доказательство того, что рукам действительно можно найти более достойное применение, чем бить ими по чьей-нибудь физиономии, я погладил Оксану пониже спины. Девушка смутилась, а я кивнул в сторону комнаты: — Прошу к дивану, вернее, к столу.

Полчаса спустя, когда мы, подвыпившие и плотно закусившие деликатесами, которые я, не поскупившись, приобрел в супермаркете, сидели на диване за журнальным столиком, Оксана спросила:

— Ну, что там с твоим расследованием? Узнал что-нибудь?

— Кое-что... — Я коротко поведал Оксане о результатах своих поисков преступников и закончил словами: — В общем, я оказался в тупике. Знать знаю, какой тип машины и ее особые

приметы, а вот найти в большом городе в одиночку машину с помятым крылом и сувениром «чертик» вряд ли смогу. Нужно подключать полицию. У нее возможностей для поиска больше... А ты о бандитах ничего нового не узнала?

Оксана покрутила головой так, что ее длинные чудесные волосы взвились.

— Нет.

Мимика у меня неплохая, могу запросто одну бровь приподнять, что я и сделал.

— А что же ты мне за новость тогда сообщить хотела?

— Э-э... — девушка неожиданно покраснела. — Новость у меня другого плана. Я... мне... В общем... — никак не могла она решиться что-то сказать. — Ну, ладно, я по-о-том тебе объясню.

— Ну, хорошо, — согласился я, весьма озадаченный тем, что у Оксаны неожиданно проявился дефект речи, свойственный заике. — Как знаешь.

Взглянул на часы — стрелки показывали восемь. Пора! Я махнул еще рюмку водки, придвинулся к Оксане и положил ей руку на колено. Кожа у девушки была нежной, бархатистой и до того приятной на ощупь, что я не мог отказать себе в удовольствии погладить округлое колено, прежде чем рука моя скользнула дальше — вверх

по бедру и вниз под юбку. Чем выше продвигалась рука моя, тем плотнее сжимала девушка ноги и ниже опускала голову. Стесняется.

Я встал, выключил верхний свет, включил торшер и вырубил телефон, чтобы ненароком не позвонил кто и не оторвал от важного дела. Глянул на Оксану. Она смотрела на меня украдкой поблескивающими в полумраке глазами и, кажется, чего-то ждала. Я догадывался чего — поцелую. Я вновь плюхнулся на диван, притянул к себе девушку и прижался своими губами к ее устам. Судя по тому, как расслабилось в моих руках тело Оксаны, и по вырвавшемуся из ее груди стону, я угадал ее желание.

Спешить было некуда, впереди целый вечер и целая ночь, завтра на работу мне после обеда, можно выспаться, поэтому я, не торопясь, стал стаскивать с Оксаны одежду и аккуратно складывать ее на кресле. Когда на кресле оказались кружевные трусики, я быстро разделся сам, разложил на диване Оксану и прилег рядом с ней.

Для меня не столь важен секс, сколько прелюдия к нему. Моя рука, как по волнам, гуляла по изгибам тела Оксаны, а губы блуждали по ее губам, шее, плечам, по небольшим упругим холмикам, ложбинкам между ними... Вот так бы всю ночь и лежал, глядя и целуя. Я, может, и лежал бы, да Оксана не позволила. Она сама толкнула

меня на спину, довольно изящно перекинула через меня ножку, а затем со стоном опустилась на мои чресла. Вот это скромница!..

Когда говорят «сверлит взглядом», подразумевается, что недобрым. Добрым взглядом вроде сверлить нельзя. Но случаются в жизни парадоксы. Утром я почувствовал, как меня сверлят взглядом так настойчиво, что душа заныла, а когда я разлепил веки, то встретился с безмятежным, полным любви взглядом Оксаны. Окстись нечистая! Ох и тяжелый взгляд у девки!

Оксана сидела на диване, прислонившись спиной к стене, обхватив ноги руками, и во все глаза пялилась на меня. Увидев, что я открыл глаза, девушка приподняла голову. Пробившийся сквозь ставни тонкий солнечный лучик, в котором плавали золотистые пылинки, скользнул по лбу Оксаны и уткнулся ей в глаз. Она лукаво прикрыла глаз и спросила:

— Выспался?

Вместо ответа я взял Оксану за лодыжку и потянул девушку к себе, желая вновь испытать те приятные ощущения, которые испытал ночью. Но Оксана вдруг уперлась:

— Погоди, потом. — Она мягко, но настойчиво высвободила ногу и пытливо взглянула на меня: — Ты хочешь узнать новость, про которую я не сказала вчера?

«Чего это она со своей новостью второй день разродиться не может?» — подумал я сердито, однако попытки вновь склонить Оксану к тем забавам, которыми мы развлекали себя до середины сегодняшней ночи, оставил. Обещанием поделиться новостью девушка меня заинтриговала.

— Давай говори!

— Понимаешь... э-э... я... — вновь стала запинаться Оксана.

— Послушай! — наконец не выдержал я. — Если ты сейчас же не расскажешь, в чем дело, я тебя отведу к логопеду лечить от заикания.

В конце концов, Оксана решилась.

— В общем, я беременная, — выпалила она и потупила глазки.

У меня отвисла челюсть, причем так низко, что в мой открытый рот наверняка можно было засунуть кулачок девушки. Как в воду глядел насчет «разродиться». Дикость какая! Я приподнялся на локте.

— Ха! — сам не зная, с чего это я вдруг развеселился, воскликнул я. — Скажи еще, беременная вот уже девять месяцев и от меня!

Оксана растопырила пальцы и слегка манерно махнула ладошками.

— Да ну тебя, я правду сказала.

Я понял, что девушка говорит на полном серьезе, не собирается брать свои слова обратно, и

возмутился:

— Что за чушь? Мы позавчера с тобой переспали, а на следующий день ты уже почувствовала, что забеременела? Так не бывает!

— Бывает, — с озорной настойчивостью возразила Оксана, давая как бы понять мне, что у женщин есть свои тайны, в которые нам, мужчинам, проникнуть не дано. — Я давно не была с мужчиной, а в подобном случае запросто залететь можно.

Что-то в ее словах не стыковалось, и я понял что.

— А как же Паша?

— А кто тебе сказал, что у меня с Пашей близкие отношения? — удивленно, тоном праведницы возразила девушка.

Я потер лицо в том месте, где отпечатался след от кроссовки парня в дурацкой панамке.

— Действительно, когда женщина мужчине безразлична, его друзья обычно бьют кавалерам женщины физиономии. Это же правило такое.

Оксана прыснула со смеху и приложила ладошку к губам.

— У меня в самом деле нет с Пашей интимных отношений, уверяю тебя! — произнесла она так, будто я, дурачок такой, закатил сцену ревности, а она мягко уговаривала меня не ревновать. — И не только с ним. Я вообще боюсь

какую-нибудь заразу подцепить, поэтому избегаю случайных связей, да и не случайных тоже.

— Ну, конечно, мы же с тобой год встречались, прежде чем на одном диване оказались...

Девушка потупилась, и я во второй раз увидел, как она мило умеет краснеть.

— Ты все время выставлешь меня дурочкой, — сказала она укоризненно. — Ты же видел, что позавчера я долго сопротивлялась. Но уж очень ты мне понравился.

Я немного успокоился. «Дурачит меня девка, — подумал я. — Знаем мы эти женские штучки. Проверить хочет, как я к ней относиться буду после сообщения о беременности».

— И что же ты почувствовала? — спросил я иронично-снисходительным тоном и вновь лег на диван.

— Ну как тебе объяснить... Изменения некие в организме и какое-то необычное ощущение там... — она указала на низ живота.

— Шевелится, что ли? — подсказал я.

— Ну, хватит тебе! — сделала Оксана вид, будто обиделась, а затем тоном человека, приготовившего сюрприз, заявила: — Но это еще не все. Я сегодня тест купила, для проверки беременности — знаешь, такой, что в каждой

аптеке продается. Так вот, он дал положительный результат.

Не была Оксана похожа на девушку, озабоченную своим неожиданным интересным положением, и это еще больше укрепило меня во мнении, что меня проверяют на вшивость. Я совсем успокоился.

— Ну и что теперь? Мне нужно на тебе жениться? — сказал я тоном человека, разгадавшего коварные замыслы интриганки.

— Фи! — скривилась Оксана и презрительным взглядом обвела убогую обстановку в моей квартире. — И ты думаешь, я соглашусь сюда переехать? У меня другие запросы. И уж если я решусь выйти за кого-нибудь замуж, то только за Пашу.

Я вытаращил глаза.

— Послушай, я все же никак в толк не возьму, какие у вас с Пашей взаимоотношения?

— Видишь ли, — девушка легла на диван и удобно пристроила свою голову у меня на плече. — Паша не из бедных ребят, он давно предлагает мне выйти за него замуж, и я бы, наверное, согласилась, если бы не одно «но»... Он не может иметь детей. Да и с потенцией у него не все в порядке. А зачем мне бездетный брак? Но Паша ради меня готов на многое. Недавно он намекнул мне, что будет не против, если я от кого-нибудь забеременею, а

потом выйду за него замуж. Я пока Паше ничего не ответила, но подумываю над его предложением, раз уж случай представился и я залетела. Ты не беспокойся, Игорь, — Оксана стала чертить на моей груди какие-то линии, — я претензий к тебе не имею.

Как говорится в подобных случаях, «это было уже не смешно». Похоже, девушка не врет, она и в самом деле оказалась в интересном положении. Впрочем, в одном она все же обманывает — в том, что залетела случайно. Все ею было запланировано заранее. Теперь ясно, что означают ее расспросы в кафе «Сад желаний» о моей наследственности, состоянии здоровья, наклонностях и склонностях. Оксана знала чего хотела от меня с первой же минуты нашей встречи. Она изучала меня, прикидывала, подойду ли я на роль биологического отца для ее будущего ребенка, а когда решила, что подойду, использовала. Вот тебе и открытая книга. Я пока понятия не имел, как относиться к той роли донора, в которой оказался, а потому помалкивал.

Оксана хотела еще что-то сказать, но в этот момент раздался звонок в дверь. Кто бы это мог быть? Мы с Оксаной недоуменно переглянулись. Гостей я вроде не ждал.

— Давай одевайся быстренько! Может быть, из полиции пришли. Я ведь у них теперь под колпаком.

Мы вскочили с дивана и начали наспех напяливать на себя одежду. Я же в армии служил, да еще спортсмен — когда я влез в рубашку и брюки, Оксана только юбку натягивала. Поправляя на ходу воротник рубашки, я вышел в прихожую, но тут неожиданно дверь сама открылась, и на пороге возникла... Дашка. Вот это номер! Только ее мне сейчас не хватало. Я слегка растерялся, но тут же взял себя в руки и радушно воскликнул:

— Привет, Даша! Очень рад твоему приходу!

Увидев меня, девушка тоже растерялась не меньше.

— Вы дома?

— Как видишь. Да ты проходи, проходи! — Я взял девушку за локоток, ввел в квартиру и захлопнул дверь. — Как дела?

— Нормально. А я вчера вам звонила, никто трубку не брал, и сегодня с утра. И дверь никто не открывает. А я вам кое-что из еды купила, — словно оправдываясь, говорила девушка и потрясла пухлым пакетом, в котором угадывались колбаса, батон и еще какие-то продукты. — Вы уж извините, что я двери тем ключом, что вы мне дали, открыла. Как-то неудобно вышло. Я же не знала, что... — Даша вошла в комнату и осеклась, увидав Оксану, поспешно напяливающую на себя блузку.

Сейчас начнется самое интересное.

— Здравствуйте! — сделала Оксана книксен и, взяв в руки обе груди, резким движением, хорошо знакомым мужчинам, поправила бюстгальтер.

Идиотское положение. По-идиотски я и улыбнулся.

— Знакомьтесь — Оксана, Даша. — Я решил ничего не объяснять. Пусть сами объясняются.

Дашка сразу же, разумеется, все поняла, окинула Оксану оценивающим взглядом. Конечно же, мясистая Афродита рядом со «статуэткой» проигрывала. Я кашлянул в кулак и попытался улизнуть.

— Девочки, вы тут посидите пока, а я чайку соображу.

— Да нет, спасибо, Игорь Степанович, — официальным тоном изрекла Дашка. — Я не хочу.

Я переступил с ноги на ногу и остался стоять у двери в кухню. Оксана сразу же решила поставить точки над «і».

— А вы кто? — спросила она подозрительно Дашку и взглянула на нее испытующе.

Дашка, очевидно, решила, что ей в моем доме ничего не светит. А напрасно. Она усмехнулась, поставила пакет с продуктами на пол у мебельной стенки и, выручая меня, сказала:

— А я домработница Игоря Степановича. Пришла, хотела в доме вот убраться, а у него гости... Ладно, приду в следующий раз.

Девушка повернулась и направилась в прихожую, я, поколебавшись секунду, скользнул за ней следом. Оправдываться ни в чем не стал. Не жена же.

— Погоди, Даша, — я придержал дверь, которую девушка, взявшись за дверную ручку, собиралась открыть. — Я тут в переплет угодил...

Дашка взглянула на меня с заинтересованным видом. У нее, наверное, не было особого желания выслушивать мои речи после того, как застала меня в компании с Оксаной.

Я вполголоса, так, чтобы не слышала находившаяся в комнате Ветрова, пересказал Дашке историю с ограблением музея, в которую я угодил.

— Ты могла бы подтвердить следователю, что я вчера до пятнадцати минут девятого был в своей квартире?

Просьба выглядела довольно бестактной на фоне произошедших только что событий, и я это понял только тогда, когда высказал ее, но отступить было поздно.

— Без проблем! — с натянутой улыбкой сказала девушка.

Чтобы сгладить неловкость, я тоже неловко улыбнулся и торопливо заговорил:

— Давай свой номер телефона и адрес.

Дашка развела руками.

— Визитки у меня нет.

Я хохотнул, и мой смех прозвучал так, будто я находился в пустом помещении.

— Ничего, я запишу. — Взял лежавшие на тумбочке в прихожей блокнот и ручку и записал продиктованный Дашей телефон и адрес.

— А девица-то ничего, — подмигнула мне девушка. — Желаю удачи! — Она открыла дверь и выскользнула из квартиры.

Глава 7

Когда мы с Оксаной вышли из дома, было одиннадцать часов. Посадив ее в маршрутку, я заскочил в троллейбус. До начала тренировки было еще три часа, и я решил использовать их с толком, съездить по делам.

Расставшись с девушкой, я вздохнул свободнее. После того как она сообщила мне о своей беременности, рядом с Оксаной я чувствовал себя не в своей тарелке, и было от чего. Меня приравнивали к быку-производителю! Ему проще — он скотина, я же гомо сапиенс и в отличие от него сознаю, что у меня где-то воспитываются дети. Невеселый опыт по этой части у меня уже был. Мой сын-подросток жил вдали от меня с моей бывшей супругой. Так нужно ли, чтобы еще у кого-то в

семье воспитывался мой ребенок? Хотя подарить жизнь другому человеку тоже неплохо. Девчужке, например. Всю жизнь мечтал иметь дочку. В общем, я не знал, как относиться к роли биологического отца, которую мне уготовила Оксана. Мне нужно было время, чтобы разобраться в своих чувствах.

Когда я открыл дверь кабинета, похожий на худую рыжую обезьяну в полицейской форме майор сидел, низко склонившись за своим столом, и, высунув язык, что-то старательно писал.

— Разрешите, товарищ майор, — еще не зная, как отреагирует на мое появление после долгой разлуки хозяин кабинета, произнес я на всякий случай официальным тоном.

Оторвав взгляд от бумаг, майор искоса взглянул на меня.

— А, это ты, — пробурчал он. — Проходи.

Вроде не забыл, что мы с ним на «ты».

— Привет, — сказал я панибратски и шагнул в кабинет.

Самохвалов указал глазами на стул.

— Садись. Адрес девушки принес?

— Конечно, — я устроился на стуле и положил перед майором бумажку с адресом и телефоном Дашки. — Пожалуйста.

— Вечно у вас, холостяков, с десяток баб находятся, которые готовы алиби подтвердить, —

продолжал ворчать Самохвалов. В бумажку он даже не взглянул — взял ее и с пренебрежением отбросил на край стола.

— Такова наша холостяцкая доля — все свое свободное время с девицами проводить, — с притворным сожалением вздохнул я. — Устаешь с ними. Есть что-нибудь новенькое? Я имею в виду по ограблению музея?

Майор задрал свой приплюснутый и приподнятый нос.

— Тебе как, — произнес он свысока и издевательски, — письменный отчет о ходе следствия предоставить или устного достаточно?

— Устный пойдет, — ляпнул я, но, решив, что излишне фамильярничать не стоит, примирительно сказал: — Да ладно, чего ты обижаешься, я же не просто так интересуюсь. Причины есть...

Самохвалов шевельнул бровями.

— Какие, если не секрет?

— У меня от тебя никаких секретов. В отличие от тебя... В общем, я на след преступников вышел.

— Да ну?! — Вид у Самохвалова был скептический. Майор, видимо, сомневался в том, что я могу раскопать что-нибудь стоящее. — Может, поделишься тайной своего следствия?

— Для того и пришел.

Привычка у меня есть такая: когда иду на

встречу с человеком, то обязательно прокручиваю по сто раз в голове то, о чем хочу ему сообщить, поэтому я довольно четко и быстро рассказал Самохвалову о своем расследовании, приведшем меня к кафе «Здравствуй».

Закончив повествование, я сел, как лорд, забредший в каморку к плебею. А почему бы и нет? Как-никак преступников, если и не за шиворот приволок в полицию, то уж на блюдечке преподнес ей, это точно. Но напрасно я ждал похвалы от майора, он даже доброго слова мне не сказал. Взглянул насмешливо и откинулся на спинке стула.

— И что теперь я должен сделать?

И дураку ясно, что. Я удивился:

— Не знаешь, что ли?.. Надо объявить розыск черной машины с помятым задним крылом.

— Ага, и с болтающимся чертиком на лобовом стекле, — поддакнул майор. В глазах Самохвалова все еще плясали веселые огоньки.

— Почему бы и нет, — сказал я уже не так уверенно, как прежде, и принял на стуле более скромную позу.

— Значит, я должен разыскать в городе с двухмиллионным населением черную машину? — Майор всем своим видом выразил, до чего смехотворно мое предложение. — Ты хоть представляешь, сколько в городе может быть черных машин?

— Да, но не у всех у них помято заднее крыло и болтается чертик на лобовом стекле, — возразил я.

— Чушь! — отмахнулся Самохвалов. — Чертика твои бандиты наверняка сняли, а крыло выправили, если вообще те, на чей след ты вышел, были преступники, ограбившие музей. Так что я не собираюсь терять время, разыскивая машину по заявлению человека, который сам находится под подозрением.

В горле у меня запершило. Я кашлянул в кулак и прищурился.

— Я все еще под подозрением?

— А ты как думал? — Самохвалов заговорил твердо, бескомпромиссно. — С тебя пока никто подозрений не снимал. Мы еще продолжим проверку, — он кивнул на бумажку с адресом Даши, — твоего алиби. Так что иди домой, занимайся своими делами и не суйся, куда не следует. Пока! — Майор взялся за ручку и склонился над бумагой, в которой писал до моего прихода, показывая своими действиями, что разговор окончен.

«Эта рыжая обезьяна сегодня явно не в духе, — подумал я невесело. — Чтобы задобрить ее, нужно было принести ей в подарок пару бананов».

— Ладно, — буркнул я, вставая.